

ДИАГНОЗ ДОКТОРА ХОЛМСА

Влада
Ольховская

Влада Ольховская
Диагноз доктора Холмса
Серия «Леон Аграновский
и Анна Солари», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38682779
Диагноз доктора Холмса: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-097710-9

Аннотация

Мошенник, многоженец, садист – и первый серийный убийца Америки, построивший собственный «замок смерти». Доктору Холмсу не было равных в жестокости и изобретательности, он менял мир, управляя им. Казалось, второго такого просто не может быть – и быть не должно. Но проходит век, и чередой загадочных смертей в центре Москвы, на виду у всех, показывает, что у Холмса появился достойный последователь. Остановить его предстоит бывшему следователю Леониду Аграновскому и специалисту по серийным убийцам Анне Солари. Вот только новый мистер Холмс мстителен и тех, кто посмел бросить ему вызов, живыми не отпустит...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дэнни Касоларо	15
Глава 2. Гарри Гудини	41
Глава 3. Карл Патерсон Шмидт	69
Глава 4. Пабло Эскобар	99
Глава 5. Генри Говард Холмс	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Влада Ольховская

Диагноз доктора Холмса

© Ольховская В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

– Слушайте, я все понимаю, но можно этого мертвяка убрать куда-нибудь подальше? Он же воняет!

Девочке было лет шестнадцать, не больше, но она уже считала себя центром мира. Ее нисколько не волновало, что Дарья ее в два раза старше, девочка была представительницей нового поколения, для которого возраст не так важен, как роли, которые все они играют в обществе. Роль у Дарьи была не самая приятная: она здесь работала, а девочка оказалась клиентом, который всегда прав.

Но и мужчина, которого она назвала мертвяком, был клиентом, поэтому Дарья не собиралась сдаваться.

– Простите, но я не могу открыто критиковать наших посетителей за внешний вид и уж тем более выгонять их за это, – натянуто улыбнулась Дарья.

Хотя в чем-то малолетка была права, мужчина, сидящий на одном из самых дальних мест кинотеатра, действительно выглядел странно. В зале было тепло, но он не только притащил с собой куртку, он еще и надел ее, замотался шарфом, шапку нацепил... Не удивительно, что от него разит потом! По крайней мере, Дарья считала, что малолетку смутил запах пота. Чем еще он может вонять?

Но все же мужчина пришел сюда, занял свое место, купил большое ведро неадекватно дорогого попкорна, нацепил

3D-очки и приготовился смотреть фильм. Клиентов, тратящих здесь дополнительные деньги, Дарье полагалось любить и опекать, да и потом, странный мужик раздражал ее куда меньше, чем избалованная девица.

Однако малолетка отказывалась уходить.

– Я не могу сидеть с ним рядом, он стремный!

Дарье очень хотелось сказать, что эту соплячку никто здесь силой не держит. Не нравится – вперед, вот выход! Но она не сомневалась, что каждое ее слово будет тут же донесено начальству, а возможно, и выложено в интернет. Пришлось сохранять вежливость, хотя от фальшивой улыбки болели мышцы лица.

– Думаю, в зале будут свободные места, – примирительно сказала Дарья. – Вы можете занять любое из них.

Малолетке хотелось спорить и дальше, это чувствовалось. Однако в этот момент в зале погас свет, а на экране появились первые кадры анонсов.

– Ладно! – махнула рукой девица. – Но вы хоть проверьте, кого в зал пускаете, к нормальным людям!

– Спасибо за ваше мнение, оно очень важно для нас.

На самом деле Дарье было плевать на ее мнение, но девица была слишком глупа, чтобы понять это. Она с видом победительницы прошла на другое место, а мужчина, так разозливший ее, по-прежнему сидел на своем. Других соседей у него не оказалось: такие места редко раскупались, слишком уж плохо оттуда было видно экран. Незнакомца это, очевид-

но, не смущало: зал так и остался наполовину пустым, а он даже не попробовал пересесть поближе.

Он вообще ничего не делал, просто сидел и смотрел на экран. Он не касался попкорна, хотя тот наверняка уже остыл, даже не двигался. От этого Дарье, наблюдавшей за ним издали, становилось не по себе. Он что, спит? Может, и правда перегрелся в своей куртке и заснул, такое бывает! Было бы неплохо поговорить с ним, да только она не знала, как начать такой разговор. «Мужчина, на вас тут жалуются?» «Чем это вы воняете?»

Каждый недовольный клиент – это риск потерять работу, а работа Дарье была дороже, чем удовлетворение любопытства. Сидит и сидит, не страшно.

Потом к ней подошла Ксения, тоже работавшая сегодня в зале, они разговорились о том, что в кафе при кинотеатре нужно официально запретить липкие конфеты, и странный посетитель был забыт.

Дарья иногда посматривала на экран, но без особого интереса. Она давно работала на этом сеансе, все знала наперед, да и этот киношедевр изначально не отличался большой художественной ценностью. На экране мелькали кадры хоррора, раскрашенные в багровые тона. На такие фильмы ходят не ради запутанного сюжета или катарсиса, куда там! Нет, это сиюминутное развлечение, игра на примитивных эмоциях. Зрители надевают очки, и вот уже им кажется, что маньяк с ножом бежит прямо на них, а обреченная жертва кричит

где-то совсем близко.

По сути, это был тот же визит в комнату страха – образца двадцать первого века. Зрители охали, подпрыгивали, иногда даже пытались уклониться, и вряд ли все они после сеанса смогли бы вспомнить имена главных героев. Но какая разница? Все лучше, чем сидеть с каменными лицами, делая вид, что ты, большой эстет, пришел на кино о вечном, а тебе дали фантик от жвачки.

Такие зрители тоже порой попадались, и мужчина в последнем ряду определенно был из их числа – или он все-таки спал.

«Пьяный, – с тоской подумала Дарья. – Вот ведь зараза...»

Пьяные клиенты были одними из худших. Неизвестно, как этот тип поведет себя, если его разбудить! Может оказаться агрессивным, а может и пролить на соседние кресла содержимое собственного желудка. Дарью не устраивало ни то, ни другое, и она надеялась, что яркий свет после сеанса разбудит этого типа и он уползет куда-то сам.

Когда фильм закончился, Дарье было не до странного зрителя. Она стала у одной двери зала, Ксения – у другой, и обе они с привычными улыбками собирали очки и желали гостям хорошего дня.

Малолетка выбрала ту дверь, возле которой стояла Дарья, и вряд ли это было случайностью. Протягивая администратору очки, она торжествующе заявила:

– А он там так и сидит, вонючка ваш! Я же говорила!

Если бы ее спросили, как именно она собиралась выживать отсюда этого типа, она бы вряд ли ответила. Да и зачем ей? Ведь роль королевы, небрежно бросающей приказы, куда приятнее, а исполнением пусть занимаются плебеи!

Скоро зал опустел, теперь в нем оставались лишь трое. Дарья, Ксения и клиент, так и не сдвинувшийся с места. Администраторы к нему не спешили, они наблюдали за ним с первого ряда.

– Алкашик, – хмыкнула Ксения. Она тоже не радовалась такому сюрпризу, но она к любым проблемам относилась куда проще, чем Дарья. – Я одного не понимаю: как у них мозги работают? Почему в кинотеатр несут? Есть ведь много мест, где можно нажраться и отрубиться! Или это алкаш-интеллигент?

– Он может быть хоть алкашом-балериной, лишь бы держался подальше, – буркнула Дарья. – Ну и что нам с ним делать? Может, охрану позовем?

– Зачем? Люди в коридоре услышат, соваться сюда начнут! Давай сначала сами его разбудим! Кстати, тебе очки все вернули? Сколько?

– Четырнадцать пар.

Ксения, убиравшая в сторону корзинку с очками, нахмурилась и начала поспешно пересчитывать все, что собрала у клиентов. Дарья тем временем наблюдала за мужчиной, однако он по-прежнему крепко спал. Это плохо: значит, пьяный, лежит как бревно! Вот чем от него воняло: парами ал-

коголя, а вовсе не потом.

Закончив подсчет, Ксения тоже посмотрела на мужчину, близоруко прищурилась.

– Он ведь в очках сидит?

– Да.

– А не должен! Все очки, которые мы выдавали, уже на месте.

– Не может быть, – смутилась Дарья. – Пересчитай, наверняка не хватает одной пары!

– Я только что пересчитала, вообще-то, всего там хватает! Кстати, я у него билет не принимала.

– Я тоже...

А они работали в зале только вдвоем. Дарья на этот раз чуть задержалась, и Ксения уже пустила в зал часть клиентов, когда она пришла. Этот мужчина наверняка был среди них, потому что Дарья обратила на него внимание только после жалобы малолетки. Иначе она такого еще на входе заметила бы: пришел в куртке, как эскимос какой-то!

– Ксю, не дури, ты должна была его видеть, – нервно заметила Дарья. – Он, наверное, просто куртку в руках нес!

– Такую куртку сложно не заметить хоть в руках, хоть в пакете! Ты же знаешь, как я к этому отношусь: все в гардероб! Нет, я бы его не пустила, а когда увидела, решила, что это ты позволила. Ты ж у нас добрая!

Дарья и правда иногда позволяла брать с собой куртки, но не в этот раз, не ему! Теперь ей было не по себе, и желание

позвать охрану лишь возросло. Однако она не сомневалась, что охранники потом опять будут ворчать неделю, напоминая, что администраторы ни с чем не справляются и сразу за помощью бегут, как дети малые. А начальство такое не любит!

Поэтому начинать разговор нужно было своими силами, а охрану звать, когда станет ясно, что без них не обойтись.

– Пойдем, – вздохнула Дарья.

– К нему? Одни?!

– Мы не одни, мы вдвоем. Разве не ты у нас оптимистка?

– Даже оптимисты не очень любят прыгать под поезд, надеясь на чудо, – указала Ксения.

– Он не поезд, он просто алкаш.

– Ладно, пойдем, чего тянуть, до следующего сеанса не так много осталось!

Они приближались к нему медленно, испуганно, хотя обычно справлялись с пьяными зрителями куда уверенней. Но слишком уж много странностей было связано с этим типом! Дарья помнила о том, что она старше, она опытнее, она должна взять на себя самое сложное – даже если не хочется.

Она ожидала уловить рядом со спящим мужчиной характерную вонь, лучший признак недавней попойки. Но нет, в зале по-прежнему правил бал аромат попкорна и острых чипсов, хотя здесь, у последнего ряда, к нему примешивался странный сладковато-гнилостный запах. Дарья никак не могла понять, что это такое, но теперь уже мысленно прости-

ла капризную малолетку. Просидеть рядом с таким соседом весь сеанс и правда не слишком приятно!

– Эй! – громко позвала Ксения, все еще прятаясь за спиной Дарьи. – Уважаемый! Фильм закончился, пора гулять!

Мужчина никак не отреагировал, не шелохнулся даже. Нижняя часть его лица была закрыта шарфом, верхняя – очками и шапкой, и разглядеть его было невозможно. Дарье даже показалось, что он не дышит, однако она быстро отогнала эту мысль. Дышит, конечно же, просто из-за куртки не видно!

– Какой-то он мутный! – пожаловалась Ксения. – А что, если ему плохо? Мужчина! Вам плохо?

– Не ори мне на ухо, – поморщилась Дарья. – Очевидно же, что он не ответит! Дьявол...

У каждого работника кинотеатра были инструкции на случай того, что делать в опасных ситуациях, и ни одна из них не позволяла оставлять зрителя, которому стало плохо. Да, им полагалось вызвать медиков, но сначала – оказать первую помощь на месте. Только как ему помочь, если непонятно, что с ним?

– Надо снять шапку и шарф, – подсказала Ксения. – Ему же там дышать нечем!

– Такая умная – сама сними!

– Ну, ты ближе стоишь...

– Как будто тебя останавливает только это!

Пересилив себя, Дарья подошла ближе к незнакомцу и

смотрала с него шарф. Это было несложно и немного приободрило ее. Но когда она потянула шапку, мужчина странно качнулся – так, как человек не должен! Потому что человек расслабляется в кресле, откидывается на него, а этот тип словно был бревном, установленным здесь кое-как. Он пошатнулся и выпал на ступеньки, ведущие вниз, к выходу.

Шапка так и осталась в руке Дарьи, ведро с нетронутым попкорном упало, зерна рассыпались, окружая его желто-белым облаком воздушной кукурузы, очки отлетели в сторону, и теперь уже ничто не скрывало его лицо.

Ксения закричала, и это, наверное, было правильно, Дарье тоже следовало бы закричать, а она не могла. Тело было парализовано ужасом, горло словно судорогой свело, и у нее не получалось издать ни звука. Она в жизни не сталкивалась с таким... Говорят ведь, что в панике одни люди бегут, а другие – беспомощно застывают на месте. Сегодня Дарья узнала, что она из второй породы.

Она не знала, что делать, как реагировать, на что она вообще смотрит сейчас. А вот Ксения продолжала вопить, и эти крики, уже привлекшие охрану, понемногу возвращали Дарью к действительности.

Она обнаружила, что ее пальцы по-прежнему конвульсивно сжимают шерстяную шапку. Дарья содрогнулась от отвращения и отбросила шапку подальше, так, словно та была главной причиной всех бед. А тело по-прежнему лежало перед ними, словно ожидая, какое решение они примут.

Тошнотворный запах в воздухе усилился.

– Что это такое? – прошептала Ксения. Ее голос заметно дрожал, и Дарья, даже не оборачиваясь, могла догадаться, что она плачет. – Господи, Даша, это вообще человек?

Дарья наконец опомнилась:

– Похоже на то... Наверное! Вызывай полицию, сейчас же!

Она уже знала, что этот день, который всего пару минут назад казался серым и обычным, она не забудет никогда.

Глава 1. Дэнни Касоларо

Музыка взмывала в воздух вольной птицей, летала над поселком, добиралась, пожалуй, даже до рощи, уже потерявшей все краски лета. Ноябрь не баловал хорошей погодой, но сегодня хотя бы обошлось без дождя, и это было главным. Ну а тепло без труда дарили костры, разоженные на участке, и щедрый запас алкоголя.

Соня была довольна тем, какой яркой получилась эта вечеринка. Конечно, соседи наверняка будут скандалить, строчить гневные письма, жаловаться кому-то... Плевать на них! Тут селятся сплошь деды – пусть и богатые, но все равно деды. Они уже отжили свое, понятно, почему им хочется тишины и покоя. Но юность Сони была в самом разгаре, и она не собиралась отказываться от праздников только потому, что у какой-то там бабки мигрень. Поэтому Соня с удовольствием прислушивалась к ревушим ритмам техно, представляя, как дрожит земля под их домом.

Артур редко позволял ей устраивать вечеринки в их доме, но на свой день рождения она наконец выпросила у него долгожданное разрешение. Теперь на участке веселились ее друзья, такие же безразличные к сонным старикам, как она сама, уже изрядно пьяные, но не настолько, чтобы завалиться без сознания в первой попавшейся комнате – это произойдет ближе к часу ночи. Пока же они были склонны к тем

безумствам, благодаря которым эту вечеринку будут с хохотом вспоминать и десять лет спустя.

Не хватало только одного гостя, самого важного, – Артура. Соне хотелось показать, какие замечательные вечеринки она устраивает, и намекнуть, что можно позволять это почаще. Жаль, что приходится ждать, но рано или поздно он вернется. Артур сказал, что утром у него важная встреча, зато днем, когда все начнется, он точно будет с ней.

Вот только днем его не было. Соня, не выдержав, позволила ему, и Артур, такой спокойный и жизнерадостный еще этим утром, говорил с ней резко и грубо. Похоже, на работе что-то случилось, да только он не сказал, что именно – он никогда не говорил. Поэтому теперь Соня не знала, когда ожидать его, хотя и не сомневалась, что скоро они встретятся.

Артур приехал ближе к десяти часам вечера. Едва заметив его машину, Соня поспешила к воротам. Она знала, что особенно красива сегодня: она потратила немало часов на подготовку, ей хотелось, чтобы муж, глядя на нее, забыл о своей дурацкой работе и тоже наслаждался жизнью.

Она не знала, любил ее Артур или нет, но он хотел ее – в этом Соня не сомневалась. Обычно ее короткого платьица и сияющих глянец помады губ было достаточно, чтобы он думал только о ней. Однако именно сегодня, в день ее рождения, что-то пошло не так.

Артур казался усталым и злым. Она никогда еще не виде-

ла его таким! Да, у него была сложная работа, однако природа так щедро одарила его энергией и выносливостью, что он справлялся с любыми испытаниями, не позволяя им задеть себя. Что же должно было произойти сегодня, чтобы так вымотать его?

Соня хотела обнять мужа, но он шарахнулся от нее так, что она испуганно замерла на месте. Артур, никогда не жаловавшийся на зрение, чуть прищурился, тряхнул головой и снова посмотрел на нее.

– А, это ты... – едва различимо пробубнил он. – Что тут происходит?

– Так праздник же, – растерянно отозвалась Соня. – Ты разрешил, разве не помнишь?

– Наверное...

Он несколько раз быстро моргнул, словно пытаясь отогнать сонливость.

– Артурчик, милый, что случилось?

Артур обвел мутным взглядом гостей, сжал кулаки, а так он обычно делал, когда его что-то очень сильно злило.

– Ты ведь не смотришь новости, правда? – спросил он. Речь по-прежнему была невнятной, однако звучала уже громче.

– Нет... Сегодня я весь день была занята вечеринкой!

– Не только сегодня, вообще. И про труп в кинотеатре ты, конечно же, ничего не знаешь!

– Фу! – поморщилась Соня. – Я и не хочу знать про такую

гадость!

Ее муж рассмеялся, зло и нервно, но уж точно не весело.

– Иногда я жалею, что женился на мухе-однодневке... Но шлюха ты очень уж талантливая, это не отнять, и я не думал, что мне понадобятся мысли в твоей пустой головке... А, плевать на все...

Если бы такое ей сказал кто-то другой, Соня бы уже ответила пощечину, да посильнее, чтобы ее крепкие искусственные ногти исполосовали хаму его наглуую рожу. Но ударить Артура она бы никогда не решилась – он такого не прощал. Соня прекрасно знала, что он не пожалеет ее, если она станет помехой, и тогда она, возможно, потеряет не только деньги и красивую жизнь, но и, скажем, ту руку, которой его ударила.

Поэтому она скрыла обиду и продолжала смотреть на мужа с собачьей преданностью.

– Артурчик, милый, что у тебя случилось? Чем я могу помочь?

– Сворачивай этот балаган.

– Что?

– Ты меня слышала! – прикрикнул Артур. Он обвел дрожащей рукой вечеринку. – Сворачивай вот это все! У меня и так голова взрывается, а ты каких-то клоунов сюда притащила.

– Но ты же разрешил...

– А теперь запрещаю. Убрала их, быстро! Чтобы через пятнадцать минут здесь ни одна мышь не смела пискнуть.

Не такой реакции Соня ожидала на свой праздник, совсем не такой. Она боялась мужа, но даже так не могла отпустить надежду на то, что все еще будет хорошо.

– Может, покушаешь, родной? Сразу лучше себя почувствуешь!

– Какое там... И так желудок в узел, как бы не блевануть... А тут ты со своим «покушаешь»! Дура, мать твою... Пятнадцать минут!

Не дожидаясь ее ответа, он направился к дому. Артур шел странно, покачиваясь, будто пьяный. На одних гостей он смотрел с недоверием, и Соня не представляла, кем они ему казались, от других и вовсе отшатывался.

Ее муж никогда не прикасался к наркотикам, но теперь наверняка решил попробовать. Соня не знала, что еще это может быть.

Ей было обидно до слез, но послушаться она не могла.

Соне стоило немалых трудов выпроводить из дома пьяную толпу, желающую продолжения банкета. Они уже были разгорячены алкоголем, они хотели бунта и приключений. Им было плевать, чей это дом и ради чего они сюда пришли, некоторые едва знали Соню – и не узнавали ее теперь. Никто из них, тусовщиков со стажем, не привык покидать территорию вечеринки не по собственному желанию.

Справиться ей удалось только с помощью охраны, да и то на это ушло больше часа. Когда выделенные ей пятнадцать минут истекли, Соня начала с опаской оборачиваться на дом.

Обычно Артур очень строго относился к таким вещам, для него «пятнадцать минут» не были простым оборотом речи. Он был царем и господином, каждое его слово становилось законом, поэтому на шестнадцатой минуте он вполне мог выйти к своим гостям с дробовиком.

Но он не вышел. Прошло двадцать минут, полчаса, час, а Артур так и не появился. Соня вздохнула с облегчением, решив, что в честь дня рождения муж решил проявить нетипичную снисходительность.

Наконец музыка утихла, гости разъехались, охранники отправились в гостевой дом. Конечно, участок все еще был завален хламом, да и на комнаты первого этажа страшно было смотреть: там словно бомба взорвалась, причем начиненная пивными бутылками. Но всем этим можно было заняться завтра, и Соня поспешила к мужу, ей нужно было поблагодарить его за снисходительность. Не важно, что он испортил ей день рождения, она умела мыслить наперед. Артур был источником дохода, который она не желала терять.

Она нашла его в спальне и сразу поняла, почему он не вышел ее торопить: он просто уснул. Артур лежал на нерасстеленной кровати, лицом вниз, и сама его поза служила лучшим указанием на то, что ему хватило сил лишь добраться сюда. А потом он рухнул в постель и мгновенно отключился. Что же он такое принял, интересно?

Велик был соблазн просто оставить его здесь, но тогда утром у него затечет все тело, он проснется злым, а доста-

нется Соне. Поэтому ей нужно было кое-как его раздеть и уложить нормально. Правда, перевернуть массивную тушу супруга хрупкая Соня даже не надеялась, а звать охрану не хотела: подчиненные не должны видеть босса в таком состоянии. Поэтому для начала ей нужно было его разбудить.

– Артурчик, хороший мой, это я, – вполголоса произнесла она. – Вставай, зайчик, а потом снова ляжешь...

Она запнулась, так и не закончив фразу. Она просто не могла больше говорить.

Спальня была освещена только тусклым светом настольной лампы, поэтому Соня не сразу увидела то, что днем, пожалуй, было бы очевидно. Но теперь, приблизившись к кровати вплотную, она не могла это упустить.

Голова Артура была чуть повернута в сторону, в зеркальном стекле французского окна отражались глаза, так и оставшиеся открытыми, а на темном шелке покрывала расплзлось кровавое пятно. Не до конца понимая, что делает, Соня коснулась ткани кончиками пальцев. Может, ей все это чудится? Это не может быть по-настоящему!

Однако шелк оказался мокрым, а на бледной коже остался алый след.

Пока Соня была внизу со своими гостями, кто-то убил ее мужа.

Правильная жизнь – это не обязательно хорошая жизнь.

Правильная жизнь – это просто повод стать для кого-то примером, причем не всегда желанным. Сын маминой подруги. Хороший муж сестры. Тот самый парень, который все делает как надо. Герой нашего времени, но уже не сомневающийся и запутавшийся в поиске, а живущий по учебнику, с образцовой семьей и голливудской улыбкой.

Не человек, а манекен. Именно таким манекеном и чувствовал себя Леонид Аграновский.

Когда он размышлял о своей жизни, он вынужден был признать, что у него все отлично. Если бы кто-то составил список всего, чего должен достигнуть мужчина к тридцати трем годам, Леон поставил бы птичку у каждого пункта.

Отличная работа? Есть! Это раньше он мотался по улицам обычным следователем, рискуя получить заточку в бок. Теперь он начальник охраны у уважаемого бизнесмена, у него целый штат подчиненных и зарплата, которая обеспечила и просторную квартиру, и две машины, и возможность не делить продукты на «простые» и «праздничные». Что хочешь, то и покупай и не бери кредит на шубу жене, вот она – почти американская мечта!

Хорошая семья? Есть! Его брат – спокойный, рассудительный, мудрый даже. Заменивший ему отца. У брата пре-

красная жена и двое детей, семья с мотивационного постера. Леон знал, что Дмитрий живет даже правильнее, чем он сам, и не позволит сбиться с пути истинного... даже если очень хочется.

Красавица жена? Тоже есть! Да, он женился не по любви, но он тогда особо и не верил в любовь, слишком уж много соплей было пролито человечеством из-за одного слова. Леон выбрал себе *подходящую* женщину, только это и казалось ему правильным тогда. Лидия была из тех удивительных созданий природы, при появлении которых мужчины замирают и еще долго не могут ее забыть. Разве он не должен радоваться, что такая земная богиня досталась именно ему? Что она беременна его ребенком и скоро они станут полноценной семьей?

Вот только Леон очень быстро понял, что «должен радоваться» не всегда приводит к настоящей радости. Чувствам плевать на все чинные рассуждения мозга. Они хотят гореть, рваться вперед, а не сидеть на цепи. Сжигать себя изнутри? Да, возможно, но это все равно лучше, чем унылое болото придуманного непонятно кем идеального сценария.

Поэтому Леон не мог наслаждаться правильной жизнью, как бы ни старался. Его мысли снова и снова летели в прошлое, к другой жизни, которая была у него совсем недолго, но стоила гораздо больше, чем годы затишья.

Ему даже не с кем было поговорить об этом! Он доверял брату, но в этой ситуации он знал наперед, что скажет Дима.

Это дурная кровь, бойся ее...

Дурная кровь, значит? Может, и так. Леон ни на секунду не забывал, что за красочной ширмой с изображением безупречной семьи Димы скрывались темные призраки их родителей.

Отец – серийный убийца, осужденный и погибший за свои преступления. Мать, не выдержавшая такой правды и искавшая спасения на дне бутылки. Дима твердил, что это наследие, которого они должны стыдиться и бежать от него прочь. Ни один из них не имел права принимать себя таким, как есть, они постоянно должны были становиться лучше, чтобы не уподобиться своим родителям.

Но один человек Леона все-таки принял... Один человек открыто возразил Диме, указал, что в любви нет греха, что можно любить даже чудовище, не оправдывая при этом его преступление. Что Леон сам по себе не так уж плох даже тем, что очень похож на отца, потому что взял у того только лучшее.

Анна.

Он не встречался с ней и даже не позволял себе вспоминать о ней – обычно не позволял. Леон делал исключение лишь в дни, когда ему становилось совсем уж тошно от своей правильной жизни. Тогда он укрывался в воспоминаниях и думал о том, что где-то в мире есть она, а значит, все не так уж плохо.

Они встретились, когда расследовали серьезное преступ-

ление, и Леон быстро понял: они похожи. Похожи природой, темным прошлым, любовью к свободе. Только Анна, в отличие от него, не стеснялась себя и жила совсем уж неправильно, но гораздо более счастливо.

Он не думал, что их связь пойдет так далеко. Да у них вроде как и не было связи – они никогда не говорили об этом! Но именно благодаря ей он снова хотел просыпаться по утрам, он узнал, что значит настоящее взаимопонимание с другим человеком, родство... любовь? Может быть, и любовь.

Когда возникла необходимость рискнуть ради нее жизнью, Леон без сомнений решился. Он чуть не отправился на тот свет, но ни разу не пожалел об этом. Потому что Анна не пострадала – и она осталась рядом с ним!

Теперь, когда он знал, каково это – не выбирать женщину по заданным параметрам, а чувствовать ее, – он не мог больше оставаться с Лидией. Это было бы нечестно по отношению к ней так же, как к нему самому. Лидия тоже заслуживала, чтобы ее любили, и Леон хотел расстаться с ней в первую очередь ради этого, потому что Анна никогда даже не намекала, что они могут быть вместе.

В глубине души он на все решился, даже притом что его никто бы не поддержал. Он готов был вынести скандалы со стороны Димы, слезы Лидии, готов был оставить ей все, что у него было, лишь бы это поскорее закончилось. Но тут Лидия объявила ему, что беременна, и свобода, к которой он так рвался, снова скрылась за горизонтом.

Он не мог бросить собственного ребенка – а Леон не сомневался, что в случае развода Лидия его и близко к малышу не подпустит. Он сам рано остался без отца и знал, что это такое. Нет, он должен был отказаться от собственных желаний, погрузиться в правильную жизнь, чего бы это ни стоило. Расследование закончилось, и его можно было воспринимать как путешествие, приключение даже, но никак не стиль жизни. Потому что жизнь – вот она, с хорошей работой, женой и ребенком.

Когда он был в больнице, они с Анной поссорились. Для Леона это не было так уж важно, он все равно хотел вернуть ее, когда выпишется. Но потом он узнал о грядущем отцовстве... Дима сразу сказал ему, что им с Анной больше нельзя видеться, да Леон понимал это и без его нотаций. Он не смог бы оставаться равнодушным рядом с ней и делать вид, что они просто друзья. А она никогда не дала бы ему бросить ребенка: для нее и брак был нерушимой стеной, не говоря уже о детях.

Поэтому он написал ей длинное письмо, объясняющее, почему им больше нельзя встречаться. Анна ответила коротко и очень вежливо, но от этой холодной вежливости почему-то становилось только хуже. Они и правда больше не общались.

Он мог бы все вернуть. Он знал, где она живет, знал наизусть ее телефон. Однако Леон держался, на силу воли он никогда не жаловался. Он думал о том, что должен делать,

ну а счастье... может, Дима в чем-то прав, и для тех, у кого «дурная кровь», счастье – это путь к беде?

В первые дни после выписки он был слаб, и это по-своему помогало. Леон много спал, лекарства мешали мыслить здраво, они защищали его от отчаяния. Однако он восстанавливался удивительно быстро, и вот ему снова хотелось полноценной жизни, которая почему-то не совпадала с правильной.

Леон не знал, что будет дальше. Он просто плыл по течению, ожидая, когда оно само переменится.

– Зай, привет, что делаешь?

Лидия привычно входила в его кабинет без стука, полагая, что это не его кабинет, а детская. Лучшим доказательством тому служили пакеты игрушек и одежды, заполнявшие пространство. Третий месяц беременности еще не перешел в четвертый, и Леон боялся даже предположить, что будет дальше.

– Читаю, – отозвался он, не отрываясь от планшета.

– А что читаешь?

– Статью.

– Про что?

Она присела на краешек дивана, всем своим видом показывая, что никуда не уйдет. Лидия считала, что им нужно стать мило воркующей семьей, супругами, которые делятся друг с другом всем и увлеченно обсуждают новости за обеденным столом.

Проблема заключалась в том, что несколько лет брака показали: у них нет общих интересов.

– Тебе это не понравится, – предупредил Леон.

– Ой, да ладно тебе! Это всего лишь статья, что в ней может быть страшного?

– Она про убийство Дэнни Касоларо.

Лидия нервно дернулась, но все же не сдвинулась с места. Чувствовалось, что она с куда большим интересом обсудила бы ползунки или детские имена, но пока приходилось терпеть. Она чувствовала, как близко был развод, и, хотя опасный момент миновал, расслабляться она не спешила.

– Ну, может, мне тоже интересно! – заявила она. – Кем он был?

– Журналистом. Он вел расследования в частном порядке и обнаружил в американском правительстве тайную сеть коррумпированных следователей и чиновников, называвшуюся, по его словам, «Осьминог». А вскоре его нашли в ванной отеля с перерезанными венами.

Как он и ожидал, Лидия быстро сдалась:

– Дорогой, ну это же ненормально!

– Что именно?

– То, что ты смакуешь такие ужасы!

– Я не смакую, я просто изучаю дело, которое не было раскрыто.

Убийца Дэнни Касоларо так и остался неизвестным, потому что официально никакого убийцы не было. Ванная, пе-

перезанные вены, да еще и предсмертная записка – классический сценарий самоубийства! Правда, если не учитывать целую серию подозрительных деталей.

Например, то, что Касоларо боялся крови и, решив расстаться с жизнью, наверняка выбрал бы способ, не связанный с его фобией. К тому же в отеле он оказался из-за встречи с предполагаемым информатором и перед поездкой предупредил брата, что любой несчастный случай, связанный с ним, следует воспринимать как нападение. И вот он мертв, а никто не желает проводить расследование – тоже, по-своему, очевидная ситуация. Правда, другой журналист того времени предположил, что Касоларо специально мог сделать свое самоубийство похожим на убийство, чтобы привлечь внимание к громкому делу. Но это казалось Леону не слишком вероятным.

Он читал такие статьи, потому что скучал по расследованиям. Постоянное напряжение, адреналин погони, риск... все это было, пожалуй, не слишком хорошо, но он чувствовал себя живым! А теперь что? Дни стали одинаковыми, медленными и бездарными.

Лидия вряд ли могла понять это, но она все равно неожиданно сменила гнев на милость.

– Да уж, почитай, почитай внимательно! – сказала она.

– Хм... не то чтобы мне не важно супружеское позволение, но с чего это вдруг? Ты же у нас обычно кричишь, что чтение таких вещей нарушает светлую энергетику детской!

А теперь что? Мрак, испускаемый моей душой, удастся отмыть?

– Очень смешно, – отмахнулась Лидия. – Нет, я хочу, чтобы ты почитал, к чему приводят частные расследования! Преступлениями должна заниматься полиция, и точка.

– А если полиция не справляется?

– Все равно в это не должны соваться бывшие следователи, рискуя оставить жену вдовой, а сына – без отца.

– Ты пока не знаешь, сын ли это...

– Чувствую, что сын, а ты не меняй тему! Мы оба знаем, к чему привела твоя детективная самодеятельность!

Даже если бы он не понимал, она бы подсказала ему, бросив взгляд на ингалятор, лежащий на столе.

Ранение, полученное во время расследования, едва не лишило его легкого, помогло разве что чудо. Но даже так он оказался в реанимации, пережил сложнейшую операцию и теперь вынужден был приложить немало усилий для реабилитации. Ему запрещено было тренироваться, поднимать тяжести и даже бегать. Леон пытался осторожно нарушать эти запреты, и иногда у него даже получалось, но чаще всего он начинал задыхаться и вынужден был использовать ингалятор и кислородный баллон. Врачи утверждали, что это рано или поздно пройдет, но сырая и холодная погода ноября ему точно жизнь не упрощала.

– Я знаю, что случилось и могло случиться, мне напоминания не нужны, – холодно отметил Леон.

– Уж надеюсь на это! Но когда ты читаешь эту твою криминальную ахинею, ты не представляй себя крутым полицейским, который вмиг раскрывает все заговоры. Ты лучше вообрази, что ты – это тот журналист, который полез куда не просили. Что тебе милее: кровавая ванна или семейная жизнь?!

– Даже не знаю... А в этой игре есть звонок другу?

– Да ну тебя! – возмутилась Лидия. – Ненормальный! Надеюсь, ты образумишься, когда начнешь ходить на родительские курсы!

– А ты не рано этим озадачилась? – изумился Леон.

– Нормально! Наш малыш получит только лучшее, а это включает и лучшего отца. Поэтому читай свои страшилки сейчас, пожалуйста, но чтобы с рождением ребенка духу их в этой квартире не было!

Не дожидаясь его ответа, Лидия вскочила с дивана и покинула комнату, хлопнув дверью. Леон лишь укоризненно покачал головой, в такие моменты ему приходилось повторять свою личную мантру: «Тебе нужна правильная жизнь, у тебя теперь есть ребенок, ты отвечаешь не только за себя, а все остальное нужно оставить в прошлом».

Иногда он даже верил себе. А потом кто-то упоминал при нем знакомое имя, – случайно, без тени злого умысла или намека, – и все возвращалось на круги своя.

Дмитрий Аграновский многого добился в жизни, и ему было чем гордиться. Он не собирался скромничать и замалчивать собственные заслуги, он активно пользовался теми преимуществами, которые дарил его высокое положение. Одним из этих преимуществ была возможность спокойно спать по ночам, а не выбираться из-под одеяла и мчаться на место преступления.

Это в молодости, только начиная работать, он прилетал по первому свистку следователя, лез в самые гнилые ямы и рисковал здоровьем, пробираясь в какие-нибудь завалы. Теперь для этого были молодые, а Дмитрий вел только самые сложные дела, потому что ему это нравилось – чувство вызова, но вызова интеллектуального, а не физического.

Поэтому, засыпая с женой в одной постели, он был уверен, что проснется утром по звонку будильника – а проснулся ночью по звонку телефона.

– Какого черта? – зло прошептал он, пытаясь побыстрее выбраться из постели, чтобы не разбудить жену.

Он уже знал, кто наплевательски отнесся к его негласным привилегиям. Дмитрий был отлично знаком со многими следователями, хранил их номера в телефоне, и теперь имя звонящего отразилось сразу.

Точнее, звонящей.

– Есть дело, – безразлично сообщила Инга.

Инга Шипова всегда казалась ему роботом. Признавая ее великолепный ум, Дмитрий все равно считал, что женщина просто не должна быть такой. Казалось, что Инга намеренно пытается убить в себе все нежное и прекрасное, любую слабость и уязвимость. Говорить с ней было неприятно: создавалось впечатление, что его сканирует бездушный компьютер. Поэтому Дмитрий стремился лишний раз с ней не пересекаться.

Она, кажется, никогда раньше не звонила ему – а если и звонила, то очень давно. Тем больше было удивление Дмитрия, когда он услышал ее голос посреди ночи.

Впрочем, когда первое возмущение отступило, он без труда взял себя в руки. Самоконтроль всегда играл в его жизни непередаваемо важную роль.

– А этим делом не может заняться кто-то другой? Сейчас даже не моя смена.

– Нет. Труп в странном состоянии, и я бы хотела, чтобы его осмотрели именно вы.

– Что значит «в странном состоянии»?

– Думаю, вам лучше это увидеть, а не слушать мои непрофессиональные объяснения. Я вышлю адрес сообщением. Пожалуйста, не задерживайтесь.

Его пробуждение не было приятным, и ему никак не хотелось выходить в холодную осеннюю ночь из уютного дома. И все же Дмитрий был вынужден признать, что Инга задела его

за живое. При всей неприязни к ней он уважал ее. Если она позвала его, нарушив привычный порядок, случилось нечто особенное. Все знали, что никто не разбирается в сложных случаях лучше его.

Вопреки его стараниям, жена все-таки проснулась. Когда он заглянул в комнату за одеждой, Мила включила настольную лампу и приподнялась на локтях.

– Случилось что-то? – сонно поинтересовалась она. – С Леоном?

Дмитрий невольно усмехнулся; ну конечно, самым вероятным источником неприятностей в его жизни был младший брат!

– Как ни странно, нет. Мне нужно ехать на работу, они там нашли какое-то тело, с которым никто не может разобраться. Пойду посмотрю, то ли к нам инопланетяне прилетели, то ли другие эксперты вконец обленились. Без меня – никуда!

– Я по этому принципу уже много лет живу, – улыбнулась Мила.

– Они без меня никуда, я – без тебя, – отозвался он. – Скоро вернусь... надеюсь.

Однако адрес, сброшенный Ингой, подсказывал, что возвращение будет не слишком быстрым.

Ему пришлось ехать в небольшой коттеджный поселок у самой городской черты. Такая приближенность к столице намекала на благосостояние тех, кто здесь живет, еще до того, как можно было рассмотреть внушительные особняки и

просторные участки. Впрочем, это был не самый элитный поселок из всех, что Дмитрию доводилось видеть – случись убийство в таком, и к делу вряд ли привлекли бы обычных следователей.

Неужели Инга притащила его сюда только из-за того, что погиб кто-то из самопровозглашенных хозяев жизни? Ей заплатили за усердие, и теперь она отрабатывает деньги, привлекая к делу одного из лучших судмедэкспертов? Нет, совсем на нее не похоже...

Дмитрий не стал разглядывать номера домов, скрытые ночной темнотой, это оказалось и не нужно: на коттедж, который он искал, лучше всего указывало скопление служебных машин. Похоже, сюда уже съехались все, кто был нужен, и вполне могли обойтись без него.

Сам дом был дорогим, показательно *богатым*, настолько, что это делало его безвкусным. Колонны, лепнина, золотые львы у входа – казалось, что хозяин этого поместья старается не только подчеркнуть высокий доход, но и указать даже случайным прохожим, что он, вообще-то, не простой человек и его нужно уважать. Опыт подсказывал Дмитрию, что такое стремление к игре на публику чаще всего указывает на не самый развитый интеллект.

Инга Шипова встречала его у входа. Она была в полицейской форме, подчеркивавшей ее тонкую сухую фигуру. Следовательницу наверняка вызвали сюда посреди ночи, но это не помешало ей собрать длинные темные волосы в безуко-

ризенную прическу – из тех, что кажутся отполированными, и ни один волосок не рискнет сбиться под страхом расстрела. А вот макияжу она такого внимания не уделяла, используя лишь допустимый этикетом минимум, и ее интересные от природы черты теперь казались уныло мужеподобными.

– Здравствуйте еще раз, Дмитрий, – кивнула ему Инга. – Как много времени отняла у вас дорога, если учитывать, что пробок сейчас нет. Что вас задержало?

Нежелание ехать сюда. Но об этом Дмитрий сказать не мог – такая реплика больше подошла бы Леону с его несдержанностью, а он должен быть выше такой язвительности.

– Проводите меня к телу, будьте любезны, – попросил он, игнорируя ее вопрос.

Инга не была задета – вряд ли ее вообще можно было хоть чем-то задеть. Она была роботом, строго выполняющим свою работу, и только.

Она провела Дмитрия на второй этаж, к спальням, где лежало тело. Как и предполагал Дмитрий, на месте уже работали другие эксперты и не было никакой необходимости вызывать его. Однако к покойнику никто из них не подходил.

Тело лежало на животе, расслабленное; именно так упал бы на свою кровать уставший человек. Но этот мужчина не просто упал, он умер, на это указывало все: бледность кожи, застывший взгляд, а главное, кровавый ореол вокруг его головы.

Дмитрий обошел кровать и склонился над трупом, ожидая увидеть пулевое ранение. Но нет, пока никаких травм не было, ни на голове, ни на шее, и вся кровь, окружавшая мертвеца, выплеснулась, похоже, изо рта и носа. При этом нос не был сломан, Дмитрий не сомневался, что перед смертью этого человека не били.

– Артур Селиванов, тридцать восемь лет, – сказала Инга. – Бизнесмен, владелец сети ресторанов и ночных клубов. Приехал домой на собственной машине, жене показался здоровым, хотя несколько уставшим и, возможно, нетрезвым. Но ни на какие травмы он не жаловался и врача вызвать не просил. Примерно через час после возвращения домой жена нашла его мертвым.

– То есть он все время чувствовал себя прекрасно, а потом вдруг упал и умер? – уточнил Дмитрий. – Даже в последние минуты перед смертью он был в полном порядке?

– Этого вам никто не скажет: он был один.

– А жена?

– В доме проходила вечеринка, и жена провожала гостей. Но, судя по тому, что нам пока удалось выяснить, Селиванов был достаточно внимательным к себе человеком. Если бы он хотя бы заподозрил, что умирает, он бы не медлил с вызовом врача.

И это делало ситуацию еще более странной. Что это, отравление? Но почему он тогда истекает кровью? Логичнее было бы предположить рвоту! А главное, травмы, где трав-

мы... Беглый осмотр лица и рук показал, что на светлой коже покойника не было никаких следов борьбы. Единственным намеком на повреждения оказался лейкопластырь на большом пальце – но от такого не умирают. Поэтому пока Дмитрий, со всеми своими знаниями и опытом, не брался даже предположительно назвать причину смерти.

Но это мало что значило. Все покажет вскрытие!

– Тут есть и другие странности, – добавила Инга. – Не далее как сегодня Артур Селиванов стал главным подозреваемым по уголовному делу.

– Какому же?

– Убийству. Сегодня днем ему сообщили, что он подозревается в убийстве Сергея Увашева, тело которого нашли вчера в одном из московских кинотеатров.

– Да, я слышал об этом случае, – признал Дмитрий. – Странное дело...

– Вы даже не представляете, насколько. Днем Селиванов дал подписку о невыезде, а вечером умер. Следователю, который с ним встречался за несколько часов до смерти, Селиванов показался абсолютно здоровым, даже не уставшим.

– Действительно, странно, – кивнул Дмитрий. – Но странно скорее с точки зрения следствия, а не судебной экспертизы.

– Не спешите с выводами, тут и по вашей части есть вопросы. Несколько дней назад Селиванов сильно ушиб ногу и заработал крупный синяк на щиколотке.

– Ну и что мне делать с этой информацией?

– А вы посмотрите на этот синяк теперь.

Инга надела перчатки, и Дмитрий последовал ее примеру. Она аккуратно задрала широкую штанину брюк, открывая ногу по колено. Заметить синяк было не сложно – Дмитрий назвал бы его скорее кровоподтеком, крупным, багрово-фиолетовым. Все указывало на то, что Селиванов сильно ударился, и ему повезло, что уцелела кость.

Однако это никак не могло быть связано с его смертью.

Он хотел снова задать вопрос, но не успел, Инга опередила его. Она протянула руку вперед и несильно надавила на щиколотку. Этого оказалось достаточно, чтобы из кожи покойника просочились мелкие бисеринки крови. Смотрелось это жутко и напоминало Дмитрию обратную сторону грибной шляпки после дождя: она кажется сухой и пористой, но надави на нее – и прольется вода.

Вот только для гриба это нормально, для губки – тоже, а для человеческой плоти – нет. Ни кожа, ни мышцы не могли так реагировать на надавливание... Нет, никак не могли! Но реагировали. Дмитрий еще не сталкивался ни с чем подобным – ни в теории, ни на практике.

Зато теперь он понимал, почему сюда вызвали именно его.

– Мы обнаружили это случайно, когда хотели перевернуть тело, – пояснила Инга. – Вы знаете, что это такое?

– Даже не представляю!

– Тогда придется это исправить, дело обещает быть гром-

КИМ.

Глава 2. Гарри Гудини

Леон терпеть не мог регулярные семейные встречи, но он приходил на них со смирением преступника, признающего справедливость наказания. Вроде как – ну что, не отстоял ту жизнь, что делала тебя счастливым? Вот сиди и терпи теперь!

Поэтому каждое воскресенье они с Лидией ходили в гости к семье Димы или наоборот. Дима и Лидия были от этого в восторге, они чувствовали себя чуть ли не английскими аристократами, заглядывающими к таким же distinguished соседям на чашечку кофе. Мила относилась ко всему философски. Леон терпел.

В этот раз все начиналось как обычно: цветами, ритуальными объятиями и расцеловыванием воздуха возле лица. Леон ощущал себя скаковой лошадью, которую снова и снова заставляют бессмысленно ходить по кругу цирковой арены с пучком перьев на голове. И все же в искусстве самоконтроля он теперь не уступал брату, у него даже получалось убедительно улыбаться.

А вот дальше, когда они сели за стол, привычный порядок сбился. Дима, обычно наслаждавшийся каждой секундой таких встреч, казался задумчивым и отрешенным. Он говорил, только когда к нему обращались напрямую, да и то постоянно переспрашивал. Мыслями он был не здесь, и чувство

неловкости постепенно расплзлось по комнате, как винное пятно по белой скатерти.

Первой не выдержала Лидия.

– Дима, что происходит? – недовольно поинтересовалась она. – Если у тебя нет времени на нас, так отменил бы визит, никто не заставлял тебя звать нас!

Лидия никогда не отличалась сдержанностью, а теперь она была убеждена, что беременность дает ей законное право говорить что угодно и когда угодно.

– Да все в порядке, – заверил ее Дима.

– Десять раз! Что с тобой такое? Ты же у нас эталонный семьянин! Что может быть важнее, чем все мы?

– У Димы просто очень сложное дело на работе, – вмешалась Мила. – Дим, как вы там его называете? «Дело Гудини» или как?

Дима бросил на жену укоризненный взгляд, явно призывая ее молчать, но было поздно: Леон услышал все, что нужно.

Он и сам не ожидал от себя такой реакции. Он знал, что Дмитрий каждый день сталкивается с уголовными делами – работа такая. Но никогда раньше его не тянуло расспрашивать брата об этом.

Зато сейчас тянуло. Потому что, если дело сложное, полиции может понадобиться помощь со стороны. А помощь со стороны – это работа *с ней*.

– Что за Гудини? – заинтересовался Леон.

– Да ерунда, это никакое не название, просто между собой болтают, и все, – попытался отшутиться Дима.

– Ты ведь знаешь, что я не отстану. Что у вас там за Гарри Гудини?

Лидия, сидящая рядом с мужем, гневно хмыкнула и уткнулась в смартфон, быстро что-то набирая. Леон не обратил на нее внимания, он смотрел только на брата.

Дима был упрям, и, если бы он не хотел говорить, он не произнес бы ни одного лишнего слова. Однако чувствовалось, что Мила не ошиблась, это дело и правда не давало ему покоя. Дима знал, что Леон был великолепным следователем, он всегда ценил мнение брата, и сейчас ему нужен был совет.

Пока он колебался, напомнила о себе Лидия.

– А Гарри Гудини тоже погиб трагической смертью, – с непонятным триумфом заявила она.

– Что значит – тоже? – смутилась Мила. – Кто там у вас еще погиб?

Но Лидия, сделав вид, что не услышала ее, продолжила читать с экрана смартфона:

– Он был на гастролях, когда к нему в гримерку пришли три студента. Они припомнили ему, что у него есть трюк – якобы он не чувствует боли, когда его бьют в живот. Он подтвердил – и его сразу же ударили, два раза! Он к такому не был готов, не ожидал, а кто уже что отменит? Это привело к разрыву аппендицита, и через несколько дней он умер. На-

верняка в страшных мучениях!

– Да к чему это сейчас? – возмутилась Мила.

– Лидия намекает, что меня ждет смерть в страшных мучениях, – сухо указал Леон.

– Если ты не одумаешься и не перестанешь интересоваться всякой уголовщиной! – парировала Лидия. – Хороших отцов и мужей страшная смерть не ждет!

– Уже можно опровергать этот сомнительный тезис или бесполезно?

– Да прекратите вы, – нахмурился Дима. – Мне всегда казалось, что суть семейного времени исказить невозможно!

– Правильно, давайте все будем лицемерить, лишь бы это со стороны смотрелось хорошо, – с показательным дружелюбием кивнул Леон. – А то вдруг за нами сейчас призраки наблюдают и мы им плохой семьей покажемся?

– Не паясничай.

– Уже и этого нельзя...

Как странно... Еще до того расследования с Джеком Потрошителем Леон без проблем отмахнулся бы от этого уголовного дела. Там у них какой-то Гарри Гудини? Да ради бога, хоть Элвис Пресли! Дима сам бегал бы за ним, умоляя прочитать дело и что-нибудь подсказать.

Но теперь все изменилось. Расследование было не обычной головоломкой, которая сама по себе не так уж важна. Оно было единственным путем к Анне, исключением, которое он мог себе позволить... Леон больше не имел права ви-

даться с ней просто так, но ведь работать вместе – это совсем другое, они стали отличной командой!

Дима тоже знал это. Некоторое время он еще пытался вести отвлеченные разговоры о погоде, ценах на недвижимость и современных школах, но скоро и сам понял, насколько натужно у него получается. Наконец он сдался:

– Думаю, нам с Леоном нужно кое-что обсудить.

– Думаю, давно уже надо, – улыбнулась Мила.

Лидия предпочла ничего не говорить, но по ее выражению лица, раздраженному, злomu, несложно было догадаться, что кое-кого дома ждет скандал. Леона это не волновало, он научился просто не слышать ее гневные тирады, отсеивать их, как белый шум.

Они с Димой прошли на балкон. Леону отчаянно хотелось закурить по старой привычке, но после операции с этим пришлось завязать.

– Что за Гудини? – поинтересовался он, наблюдая за звездным небом. Ранние ноябрьские закаты легко превращали вечер в ночь.

– Да нет никакого Гудини, это так, болтовня, ты же знаешь...

– Я знаю, что такая болтовня начинается, когда нет реальных подозреваемых. И когда происходит что-то странное.

– Тут выполнены оба пункта, – неохотно подтвердил Дима. – У нас два трупа, их убил непонятно кто и непонятно как... То есть как – понятно, хотя бы приблизительно, если

говорить только о причине смерти. Но как это было проделано, кем, куда он делся потом – здесь вообще по нулям. Гудини, чтоб его порвало...

– А теперь давай по делу. Если бы не сам знаешь кто, ты бы уже мне все уши прожужжал этим делом, как раньше.

– Это «раньше» обеспечило тебе порванное легкое.

– Хорош уже ломаться, – поморщился Леон. – Ты пришел сюда, значит, будешь говорить. Если ты сразу перейдешь к делу, ты сэкономишь нам обоим немало времени. К тому же где-то через полчаса, думаю, сюда примчится моя женушка, отыскавшая в интернете описание очередной мучительной смерти, и расскажет, почему это ждет меня. Так давай же опередим ее.

– Лидия просто беспокоится за отца своего ребенка!

– Это я уже понял. Она сделает все, чтобы я не был убит, но в итоге доведет до самоубийства от депрессии, потому что я пойму, что все равно не жилец. Вернемся к нашему Гудини.

– Если ты хочешь фактов, нужно вернуться не к нему, а к трупам, потому что про него мы вообще ничего не знаем, – усмехнулся Дима. – Первый обнаружили в прошлое воскресенье на дневном сеансе в московском кинотеатре. Тело было в плохом состоянии, но его все же опознали, и довольно быстро. Им оказался пропавший около месяца назад Сергей Увашев.

– Учитывая, что умер он месяц назад, рискну предполо-

жить, что «плохое состояние» – это естественное разложение?

– Не рискуй, не твое это. Увашев умер за день, максимум – за два до того, как его тело оказалось в кинотеатре. Кто-то принес его в зал, усадил там, сделал целую композицию – сделал шоу!

– Так, подожди с шоу, – прервал его Леон. – Если он пропал месяц назад, то где он был до смерти?

– Он умирал этот месяц.

Сорокалетний Сергей Увашев оказался обеспеченным бизнесменом, который больше пятнадцати лет управлял семейным бизнесом вместе со своей женой Полиной. Тандем стал успешным, сеть ресторанов развивалась. Нельзя сказать, что Увашевы работали предельно честно, так, что даже самый строгий инспектор не придрался бы. Но любые возможные нарушения с их стороны были связаны разве что с бюрократией. Они не имели никакого отношения к криминальному миру и старались держаться от него подальше.

И вот месяц назад Увашев исчез – просто однажды не вернулся домой. Полиции и детективам, нанятым его женой, удалось проследить его путь из офиса до большого развлекательного комплекса, куда он заехал пообедать. Но дальше он словно в воздухе растворился: его не было ни в здании, ни на записях видеокамер.

Полиция пришла к выводу, что Увашев просто скрылся, чтобы избежать долгого и трудного развода с супругой. А

может, у него так кризис среднего возраста проявился, кто ж поймет! Полину успокаивали, порой сочувственно, а порой и насмешливо.

Вот только она не желала верить ни в какой побег и любовные интрижки. Полина полностью доверяла мужу и не раз указывала следователям, что недавно у него произошел серьезный конфликт с другим бизнесменом, Артуром Селивановым.

– Что за конфликт? – заинтересовался Леон.

– Бизнес не поделили. Они были давними конкурентами, поэтому их пути часто пересекались, и Увашев неизменно выигрывал. Он получал лучшие помещения, лучших клиентов, переманивал к себе лучших поваров. Судя по тому, что я слышал, это было не так уж сложно, у них был принципиально разный подход к работе. Увашев – это скорее такой интеллигент, у которого ума на двоих, да и у жены его столько же. А Селиванов – это выкормыш девяностых с полубандитским стилем общения.

Селиванов и правда походил на человека, который мог похитить конкурента, поэтому его допросили, а потом и следили за ним, но это ни к чему не привело. На день похищения Увашева у него было алиби, да и потом он вел себя как обычно. Понаблюдав за ним с неделю, полицейские сдались. Частные детективы, нанятые Полиной, продержались чуть дольше, но и они вынуждены были признать, что Селиванов, похоже, никак не связан с исчезновением Увашева.

Прошел месяц, мучительный для Полины и непродуктивный для полиции. И вот тело Сергея Увашева обнаружили в кинотеатре, который располагался в том самом развлекательном центре, где он когда-то пропал. Правда, теперь останки, насмешливо усаженные кем-то в кресло, мало напоминали крепкого молоджавого мужчину с фотографии, переданной сыщикам.

– Он умер от голода, – тихо пояснил Дима. – И ни от чего больше. Обычно этот процесс занимает больше месяца, если мы говорим о здоровом и еще достаточно молодом мужчине. Я бы сделал ставку дней на шестьдесят. Но вскрытие показало, что Увашев получал очень мало воды и содержался в отвратительных условиях. Не знаю, что там происходило, но он дошел до той стадии нервного истощения, когда он добровольно травмировал сам себя.

Леон не был медиком, но и он знал основные симптомы смерти от голода, долгой, мучительной и превосходящей порой даже самые изощренные пытки. Он не был сентиментален, годы, проведенные в армии и в полиции, отучили его от этого. Но когда он представлял все, что приходится пережить умирающему от голода, даже ему становилось не по себе.

– С ним ничего больше не делали? – спросил он. – Не били, не кололи яд, наркотики?

– Ничего. Я лично осмотрел тело и могу это гарантировать. Его просто заперли где-то, и все травмы, которые он

получил, были нанесены им же. А потом он умер...

– И оказался в кинотеатре?

– Именно так. Оказался – лучшее слово для того, что случилось с его трупом.

Никто не мог сказать, как именно тело Увашева доставили на сеанс. До этого зал был закрыт больше часа, а преступник, судя по тому, как расположили труп, никуда не спешил. В самом кинозале камер не было, а вот в коридоре их хватало, но ни одна не засняла ничего похожего на человека, несущего труп. Да, Увашев, погибший от истощения, был куда легче своего первоначального веса. Но он все равно оставался крупным мужчиной, такого в стаканчик от колы не спрячешь!

– Записи не могли пропасть? – полюбопытствовал Леон.

– Самый умный, да? Конечно, все сразу подумали о пропавших записях – это был бы такой удобный вариант! Но ничего там не пропадало. Камеры работали исправно, не исчезла ни одна минута съемки, а толку? Труп по коридору не проносили, он появился сразу в кинозале!

Леон и сам понимал, что его вряд ли доставили бы через главную дверь. Перед дневным сеансом народу в развлекательном комплексе хватало, а такое зрелище сложно упустить!

Что ж, того, кто это сделал, не зря прозвали Гудини. Леон и сам подхватил бы это прозвище, если бы все еще работал в полиции.

– Когда стало известно, что Увашев мертв, на Селиванова посмотрели по-другому, – продолжил Дима.

– Его же и так допрашивали!

– Но в момент, когда не все верили, что Увашев пропал, а не сбежал с большегрудой куртизанкой. Теперь же не оставалось сомнений, что он мертв – и был похищен ради убийства. А Селиванов не раз угрожал ему, все его алиби предстояло проверить еще раз. Следователю, который тут же вызвал его на допрос, показалось, что теперь Селиванов не так спокоен, как раньше. Он не сказал ничего особенного, но выглядел встревоженным.

– «Выглядел встревоженным» в суде не предъявишь, – рассудил Леон. – А даже если предъявишь, любой адвокат это обратно тебе в лицо швырнет. Скажет – мол, мой клиент знал, что все пальцы сразу укажут на него, потому и нервничал, как любой законопослушный человек. Но ты, кажется, сказал, что этот законопослушный человек тоже склеил лапты?

– Да, через несколько часов после допроса.

Никто не подозревал, что Селиванов умрет. Он был силен, осторожен, он знал, что у него немало врагов, и сделал все для обеспечения собственной безопасности. Однако это его не защитило, и тем же вечером жена нашла в спальне его остывающий труп.

– Внешних повреждений мы сначала не обнаружили, – указал Дима. – По крайней мере, таких, которые привели бы

к смерти. Но тело выглядело странно: оно буквально истекало кровью. Я в жизни такого не видел!

– Ты проводил осмотр?

– И вскрытие тоже. Сначала я не понял, зачем меня вызвали, а потом уже хотел разобраться.

Леон прекрасно знал эту сторону брата. Многим Дима казался холодным и бесчувственным, не способным даже на пародию азарта. Однако в глубине души он тоже был охотником, пусть и по-своему, не так, как Леон.

Во всем, что касалось его профессии, неизвестность его раздражала.

– Ну и как, разобрался? – осведомился Леон.

– Частично. Он умер от обширного внутреннего кровотечения. Мозг, почки, сердце, легкие – всюду была кровь.

И снова Леон пожалел о том, что его воображение было способно слишком быстро и ярко создавать такие образы.

– Какого черта? – только и смог произнести он.

– Его кровь полностью потеряла способность сворачиваться, – пояснил Дима.

– Почему?

– Из-за яда. В крови нашли сильнейший гемотоксин, очевидно, животного происхождения.

– Почему очевидно?

– Потому что позже, уже при вскрытии, я обнаружил у него на руке следы змеиного укуса. Пока не удалось точно установить, что за змея его укусила, но сама сложность опре-

деления указывает на то, что это не один из видов, обитающих в России. Похоже, это нечто совершенно экзотическое для наших широт, но такое, что не вызвало у Селиванова никаких подозрений.

– Откуда ты знаешь, что он подозревал, а что – нет? – удивился Леон.

– Потому что укусили его, предположительно, утром, а он спокойно заклеил место прокола и продолжил день по привычному графику.

Что ж, замечание было верным. Раз Селиванов заклеил ранку, значит, заметил ее. Если бы змея, укусившая его, была откровенно опасной, да и просто неизвестной ему, он наверняка поехал бы в больницу. Но то ли он сам считал, что контролирует ситуацию, то ли кто-то, кому он доверял, убедил его, что опасности нет.

– Ну и что в сухом остатке? – спросил Леон. – Подозреваемых нет?

– Подозреваемые есть, просто не такие очевидные. Например, по делу Селиванова сейчас главная подозреваемая – Полина Увашева. Только это ни к чему не приведет.

– Что, она такая милая дама, которая не признает мести?

– О нет, там как раз суровая тетка, которая наверняка попыталась бы отомстить Селиванову, потому что она в его виновности не сомневалась с самого начала, – отозвался Дима. – Но позже, не так быстро. Смерть мужа конкретно так по ней ударила, она до последнего надеялась, что его удаст-

ся найти живым. А тут смерть, да еще такая! Нет, она бы не смогла придумать сложнейший план с черт пойми какой змеей меньше чем за сутки. Тут постарался кто-то другой.

– Получается, есть две смерти, очевидно связанные друг с другом... Но именно в сочетании они никому не выгодны? Они не похожи друг на друга, однако при этом каждая из них настолько дикая, что совпадением это быть не может, и организатор тут определенно один.

– Примерно так, да.

– Кому дали это дело? – поинтересовался Леон.

– Инге Шиповой, она и привлекла меня.

– А, эта может... Въедливая баба, до чертиков. Но ее одной может быть недостаточно.

– Вот и я думаю... Вроде как это дело меня вообще не касается, а все-таки оно не дает мне покоя. Тут чувствуется профи, кто бы их ни убил, это для него не дебют.

Тут Леон был согласен:

– Да сто процентов, не раз проворачивал! Только на этот раз решил выйти на большую сцену. Мне это тоже не нравится. Знаешь, я бы помог...

– Началось! – закатил глаза Дима. – Ты? Хочешь помочь следствию? Уж прости меня, дорогой братец, но я чую подвох!

– И кто из нас теперь паяц? Ты знал, что я заинтересован, когда мы пришли сюда. Для чего ты мне это рассказывал? Чтобы я укоризненно покачал головой и сказал: «Да, фигня

дело, нельзя морить людей голодом и сжевывать им кровь»? Если хочешь результата, подпусти меня к расследованию.

– Только ли тебя?

Леону невольно вспомнились те далекие, теперь уже почти забытые дни, когда отец учил его охотиться. Когда видишь добычу, нужно замедлиться, не спешить, не выдать себя раньше срока. Дима, конечно, не был добычей, но и его нельзя было спугнуть.

Поэтому каждое слово Леон теперь подбирал с особой осторожностью.

– Я не буду делать вид, что не представляю, о ком ты. Мы оба это знаем.

– Но только один из нас готов связаться с этой... не совсем обычной особой.

Чувствовалось, что Диме хочется дать Анне куда менее лестную характеристику, но при Леоне он так и не решился на это.

– Я не говорю, что все ради нее, расследование мне интересно, – отметил Леон. – Но я и не обещаю, что не заведу о ней речь. Помни: Анна занимается маньяками, пока нет смысла к ней обращаться. Но, согласись, эти смерти устроены так, что тут вполне может орудовать маньяк!

– Я бы сказал, что это убийство из-за конкуренции.

– Убийство из-за конкуренции – это пуля в лоб, но никак не пытки и сатанинские обряды со змеиным ядом. Слушай, ты пока не знаешь всего, я не знаю всего, расскажи мне боль-

ше, дай взглянуть на тела – и тогда я смогу сказать, будет ли от меня хоть какой-то толк в этой истории.

– Я могу быть уверен, что не услышу имя Анны Солари?
Действуй осторожно. Не спугни жертву.

– Не можешь, – ответил Леон. – Но ты услышишь ее имя, только если я сочту, что это действительно важно для расследования.

– Не нравится мне все это!

Подожди, не спеши, одна секунда может все испортить.

– Ты не забыл, что я вообще-то не в изоляции живу? Если бы я хотел связаться с ней ради того, о чем ты думаешь, я бы сделал это. Я с Лидией, и точка. Но я не могу списать Анну со счетов как профессионала – и ты не можешь.

– Пожалуй, ты прав...

Шах и мат, он все-таки выбрал подходящий момент. Диме все казалось логичным: действительно, если бы Леон хотел изменить жене, он бы и так нашел способ встретиться с Анной! Он не понимал истинную природу их связи, не знал, что к Анне Солари нельзя подойти просто так и пригласить ее на чашечку кофе... Но оно и к лучшему.

Помогла еще и обостренная тяга Димы к справедливости, желание остановить любого психопата, появившегося на улицах города. Такое вот следствие детской травмы – и не самое плохое, надо сказать.

– Я всегда прав, – хмыкнул Леон. – В общем, ситуацию ты понял. Когда у тебя появится возможность показать мне

тела, ты знаешь, где меня найти.

* * *

Дмитрий до сих пор не был уверен, что принял правильное решение, но отступить он уже не мог. Нет, полиция не поднимала белый флаг – вряд ли Инга Шипова была на такое способна. Но что толку, если пока ее усилия были похожи на попытки упрямого барана пробить рогами бетонную стену? Тела у них были. Преступника не было. Они не то что не знали его, все указывало на то, что он вообще не существовал. Покойный Сергей Увашев сам пришел в кино – посмотреть фильм напоследок, а на Артура Селиванова и вовсе напала змея, все, дело раскрыто, арестуйте змею!

А у Леона был дар. Всегда был, эти странные способности, которые казались его брату в равной степени восхитительными и пугающими. По-хорошему, Леона следовало держать подальше от таких дел. Но если так, если предпочесть самый разумный вариант и заботиться только о его душевном здоровье, люди продолжают умирать.

Поэтому Дмитрий все-таки пригласил его в морг.

– Как там Лидия? – рискнул спросить он, пока они шли по ярко освещенным коридорам к залу с телами.

Эта тема была опасной и сложной, но только для Дмитрия. Леон говорил о жене свободно, без священного трепета, он был далек от любых подозрений. Он бы не был так привет-

лив, если бы знал правду!

Дмитрию до сих пор сложно было свыкнуться с тем, что жена брата беременна его ребенком. Это противоречило всему, во что он верил, что считал для себя главным в жизни! Он изменил Миле, он переспал с женой Леона... он, всегда твердивший о семейных ценностях! А теперь он еще и стал отцом ребенка, который всегда будет считать его дядей. Разве это правильно?

Он всю жизнь посвятил тому, чтобы убить в себе дурную наследственность, быть хорошим человеком с правильной жизнью. Но способен ли хороший человек на такое? С другой стороны, он всегда презирал убийства и насилие. Дмитрию нравилось верить, что это его оправдывает и делает его куда более благонадежным, чем Леон.

– Да нормально у нее все, – отозвался Леон. – Что ей будет, если она целыми днями дома сидит? В тепличных условиях, так сказать. Было бы вообще замечательно, если бы она прекратила придумывать себе проблемы, но тут уж я ее остановить не могу, у нас в квартире свобода мышления.

– Тебе следует быть с ней внимательней – это все-таки ее первая беременность!

– Я в курсе, а если бы я и забыл, мне это повторили уже около двух тысяч раз, тут и мартышка бы запомнила.

– Леон, речь идет о твоём ребенке!

У Дмитрия получилось сказать это уверенно, словно он сам себе верил, – уже хорошо.

– Да знаю я, – вздохнул Леон. – Но чего ты от меня хочешь? Чтобы я прекратил жить и всего себя посвятил Лидии?

– Нет, но...

– Вот и не лезь. Все, кроме этого, я для нее уже сделал.

В этих словах была горечь, которую Дмитрий не понимал, однако раздумывать о ней не было времени – они добрались до зала.

Тела все еще хранились здесь, но уже завтра обоим предстояло отправиться на захоронение, поэтому Дмитрию пришлось воспользоваться последним шансом показать их брату.

Оба тела были привезены в один морг – для удобства следствия, потому что не только Дмитрию и Леону показалось, что эти убийства связаны. В полиции работали далеко не дураки, но иногда одного ума было недостаточно, требовалось нечто большее, способности, с которыми можно только родиться.

Леон бросил беглый взгляд на тела и подошел к трупу Сергея Увашева. Он рассматривал мертвое тело спокойно, без особого сочувствия, но и без смакования жутких подробностей. Леон был следователем, пусть и бывшим, его сложно было напугать покойником.

– У него руки искалечены, – указал Леон. – Но это не побои...

– Нет. Два пальца сломаны, часть ногтей вырвана, цара-

пины, ссадины – все указывает на то, что он бился обо что-то очень твердое.

– О стену или о дверь. Значит, он был заперт, но не связан.

А еще он был не в себе, братья прекрасно понимали это. Медленное угасание от голода не способствует бурным припадкам, при которых человек способен себя покалечить. Получается, там, где Увашев был заперт, что-то провоцировало его, но не касалось напрямую, никаких следов борьбы Дмитрий так и не нашел.

– А с лицом у него что? – нахмурился Леон.

Фотографии показывали, что при жизни Сергей Увашев не был красавцем, но обладал правильными, вполне приятными чертами лица. Теперь в иссохшем трупe сложно было узнать мужчину, которым он был когда-то. На него повлияла не только худоба, его нос был искривлен, вдавлен, возле губ остались глубокие порезы.

– Тоже сам, – тихо ответил Дмитрий.

– Сам себя бил по лицу?

– Именно так. А точнее, по носу, похоже, он хотел сломать себе нос, как бы странно это ни звучало. Все остальное – удары по касательной, сопутствующие травмы. Он был слаб, у него дрожали руки...

– Но он не останавливался?

– Верно. Что-то заставляло его вести себя так. Прежде чем ты спросишь, скажу: нет, никаких следов наркотиков я не нашел.

Дмитрий не представлял, что могло так повлиять на Увашева, собранного, умного и жесткого, да и Леон, похоже, тоже. Это было плохо для следствия, но хорошо для психики его младшего брата.

Потеряв надежду найти на теле Увашева хоть какой-то след, Леон перешел ко второй жертве.

– Змею определили? – поинтересовался он.

Артура Селиванова срочно нужно было хоронить: из-за состояния крови тело разлагалось быстрее обычного. Впрочем, Дмитрий знал, что время похорон уже назначено. Этим занялись дети Селиванова от первого брака и их мать, его вдова была занята вопросами наследства.

– С вероятностью девяносто процентов, и то это было нелегко, – признал Дмитрий.

– Что подсказывают девяносто процентов?

– Что это бумсланг.

– У нас не встречается?

– Естественно, нет. Водится только в Африке, сам бы сюда не дополз.

– А если бы и дополз, вряд ли его главной целью стал бы Артур Селиванов, – невесело усмехнулся Леон. – Но изобретательность убийцы поражает! Он хотел сделать из их смертей шоу.

– У этого может быть объективное объяснение.

– А может быть и то, которое тебе не нравится.

И оба они знали, о чем он говорит.

Объективное объяснение и правда могло найтись: атака конкурентов, запугивание вдов, личная месть. Все что угодно, лишь бы это объясняло, почему с двумя обычными, в общем-то, бизнесменами обошлись так жестоко.

Этот мотив Дмитрию тоже не слишком нравился – сложно найти мотив убийства, который кому-то понравился бы. Но гораздо больше его пугало другое: что это было убийство ради убийства, что кто-то наслаждался медленным умиранием Сергея Увашева.

А значит, это маньяк.

– Что делает полиция? – поинтересовался Леон, обходя вокруг металлического стола с мертвым телом.

– Они со мной, знаешь ли, секретами не делятся!

– То есть ничего?

– Не так все плохо! Насколько мне известно, Инга сейчас допрашивает ближайших родственников убитых, всех, кто был с ними хорошо знаком.

– Это ни к чему не приведет.

– Это обычная процедура, и результат вполне может быть.

– Уйдут дни, – указал Леон. – Если не недели, чтобы опросить всех, кто знал владельцев двух развитых бизнесов. Я не говорю, что это не нужно делать. Я просто считаю, что нужно подойти к этому и с другой стороны.

Он не называл имя Анны Солари, это было и не нужно. Дмитрий и так все понимал.

– Не доказано, что это серийный убийца, – заметил он. –

Шансы не так уж велики.

– Пятьдесят на пятьдесят, если говорить столь любимым тобой языком процентов. Я не буду изображать из себя адвоката Анны, ты и так знаешь, на что она способна.

Это Дмитрий и правда знал. Он встречался с ней, говорил с ней... Никакая неприязнь не помешала бы ему увидеть, что это особое существо. Если Леон виделся ему охотником, то Анна – маленьким хищным зверьком, естественным врагом тех, кого принято называть маньяками. Мангуст, убивающий змею.

Она поможет, если это маньяк. А если нет? Получается, встреча с Леоном, которую он допустит, будет напрасной?

– Чего ты хочешь? – устало поинтересовался Дмитрий.

– Прозвучало так, будто я террорист, а тебе нужны мои требования.

– Как будто это так уж далеко от истины...

– Ладно, вот тебе требования. Первое – мне нужны все материалы по этому делу. Фото с мест преступления, все отчеты, мнение полиции, показания жен, детей, домашних животных – все, что есть. Второе – мне нужно твое позволение на отправку всего этого Анне. Я расскажу ей, с чем мы столкнулись, пусть сама решает, интересно ей это или нет.

– То есть ты даже звонить ей не собираешься? – оживился Дмитрий.

– Нет, я напишу ей письмо. Я буду общаться с ней только потому, что это необходимо.

Это несколько успокоило Дмитрия: похоже, он переоценил влечение Леона к этой девице. А если так, то никаких препятствий больше не было, и они вполне могли привлечь Анну Солари к расследованию.

Если, конечно, эта сумасшедшая удостоит их своим вниманием.

* * *

Это ж надо было так не вовремя помереть!

На самом-то деле Соня не испытывала особой скорби из-за кончины своего супруга. Между ней и Артуром не было большой любви, был только брак, а это не одно и то же. Он выбрал ее, потому что она была красивее других девушек в его окружении. Он женился на ней, потому что она отказалась обеспечивать ему бесплатный секс. Тогда Соне казалось, что такая инвестиция в свое будущее куда надежнее, чем подарки.

Но теперь выяснилось, что дурацкий контракт, который Артур заставил ее подписать, мог нехило испоганить ей жизнь. Такая вот история... Он испортил ей день рождения, довел до нервного срыва, и теперь она боялась спать в одиночестве, заставил бегать по судам. Хорошо еще, что ей удалось найти грамотного адвоката, который решал две проблемы сразу: давал ей возможность оспорить контракт и позволял не спать в одиночестве.

Так что Соня была занятой дамой. Жаль только, что следовательница, угрюмая тетка, похожая на швабру в костюме, этого не понимала.

Они убили на бессмысленный допрос больше часа. Соня вспотела, потому что отказалась снимать норковую шубу, ей было душно, и она опаздывала на встречу. Но следовательница упорно отказывалась понимать ее намеки.

– У вашего мужа точно не было врагов? – в который раз спросила она.

– Точно-точно, – фыркнула Соня. – И за последние пять минут новых не появилось!

– Подумайте. В ваших же интересах их вспомнить.

– Почему это?

– Потому что, когда умирает обеспеченный человек, первым подозреваемым становится наследник его состояния.

– Ну так это не я! – ехидно заметила Соня. – Детишек его подозревайте, им все отходит, а я чуть ли не нищенкой делаюсь из-за контракта!

– Вы пытаетесь оспорить этот контракт.

– Ага, и это нехилый гемор! От Артурчика я получала все, что мне хотелось, а теперь я рискую потерять даже свой собственный дом! Все, вообще все! Вы серьезно думаете, что я стала бы его убивать?

Следовательница окинула ее задумчивым взглядом.

– Нет, я не думаю, что вы, желая его убить, выбрали бы именно такой метод.

– Вот и все!

Соне и правда было его не жаль, но она терпеть не могла перемены. Ее вполне устраивала ее жизнь, ей было несложно терпеть приступы плохого настроения Артура. Она получила достойную награду: подарки, украшения, машины, отпуск три раза в год. Кто в здравом уме отказался бы от этого, рискуя ничего не обрести взамен?

Что же до врагов, то они у Артура, может, и были, но Соня о них не знала. Да и знать не хотела! Артур никогда не рассказывал ей о своем бизнесе, и это устраивало их обоих. Она порхала по жизни бабочкой, зачем ей все эти нудные подробности? Она понятия не имела, как зовут людей, работающих с ним! Зачем запоминать, если все они отзываются на «эй, ты!».

Следовательница определенно была недовольна разговором, но Соню это не волновало. Имя этой швабры она тоже не собиралась запоминать.

Когда ей наконец позволили уйти, на встречу она безнадежно опоздала, пришлось переносить все на завтра. Как же это все не вовремя! Могла бы и на маникюр записаться...

Она отправилась напрямик домой – в коттедж, за который ей скоро предстояло судиться с детьми Артура и его бывшей женой. Преимущественно с ней, конечно, сами-то подростки ничего толкового не могут. Но пока Соня наслаждалась своими владениями.

Постельное белье, на котором умер Артур, сожгли, в ту

спальню Соня больше не заходила, а остальное ее не беспокоило. Она поспешила убрать со стен все фотографии мужа, и это было лишь началом перемен, которые произошли бы в этом доме, если бы она выиграла суд.

Ее несколько напрягали пустота и тишина, но Соня успокаивала себя тем, что это временно. Пара часов – и у нее появится компания, она ведь не единственная его клиентка, у хорошего адвоката работы хватает! Пока же она собиралась расслабиться, смыть с себя проклятый пот, выпить шампанского... Время пролетает незаметно, когда тебя никто не напрягает.

Но она не успела добраться даже до ванной. Соня не сомневалась, что она одна – она сама отперла замок и отключила сигнализацию, она была уверена в безопасности своего дома. Ведь даже Артур не был убит здесь, он принес смерть откуда-то извне!

Вот только никакая уверенность ее не защитила. На нее напали так быстро, так нагло, что Соня даже не успела сообщить, как это вообще возможно. А потом к ее лицу прижали какую-то вонючую тряпку, и время изменило привычный ход.

Она не потеряла сознание и не сдалась сразу, нет. Она сражалась – отчаянно, не думая о том, что происходит, подчиняясь одним лишь инстинктам. Она извивалась, билась в руках того, кто схватил ее, но он был слишком силен. Соня даже не видела его, и ей казалось, что на нее набросился

монстр, а не человек, и вырывается она уже целую вечность.

А потом вечность закончилась, огни медленно погасли, и Соня погрузилась в темноту.

Глава 3. Карл Патерсон Шмидт

Она не узнает, что он чувствует. Только такое решение и казалось ему правильным.

После того как он отправил ей материалы по этому делу, Анна не заставила его ждать ответ, письмо прилетело через несколько часов. Оно, впрочем, было лаконичным: «Приезжай завтра» – и ничего больше. Она даже времени не назначила! Это было не совсем нормально, но у нее ведь всегда так, поэтому он решил не перезванивать и ничего больше не спрашивать.

Той ночью он не мог заснуть. Он лежал в постели рядом с мирно посапывающей женой и думал о совсем другой женщине – Диму бы на лоскутки разорвало от возмущения, если бы он узнал об этом! Но иначе Леон не мог, он рассудил, что лучше обдумать все сейчас, перегореть, чтобы не выдать себя перед ней.

Он признавал, что его тянет к ней. Он даже в мыслях не позволял себе громкое слово «любовь», однако не замечать притяжение просто не мог. Ну так что же? Это Анна свободна, а у него беременная жена и брат, в котором угадывается реинкарнация Цербера. К тому же это Леон ее когда-то прогнал, сказал, что их общение не может продолжаться, и глупо было бы после такого снова сближаться с ней. Нет, он должен быть умеренно дружелюбным, нейтральным, вежливым,

и не более того. Неважно, насколько это будет сложно – это уже его проблемы. Леон обязан был ни словом, ни взглядом не выдать ей, ради чего все это на самом деле. Он заверил Диму, что все ради работы, вот пусть все так и будет. Миллионы людей по всему миру работают вместе – и ничего, не срываются на громкие признания!

Но даже после этого взвешенного, мудрого решения ему хотелось бросить все и ехать к ней в пять утра – почти в ночь по осенним меркам! Он сдержался, дождался, пока рассветет, и только тогда покинул дом. Лидия, к счастью, еще спала, и это спасло его от ненужных объяснений и скандалов.

Анна не дала ему нового адреса, поэтому он поехал по дороге, которую прекрасно знал, к странному дому в лесу. Леон почти не сомневался, что на самом деле она там не живет, никто не смог бы жить в этой дыре! Но гостей она принимала именно там.

В серый день дом выглядел куда хуже, чем летом. Деревья лишились листьев, трава иссохла, и даже туи пожухли, словно покрывшись ржавчиной. Природа будто устыдилась того, что раньше украшала это место свежей зеленью, и поспешила стать такой же унылой и отпугивающей.

Дверь дома, который разными кирпичами, цветами штукатурки и плиткой на крыше напоминал лоскутное одеяло, была открыта, но Анна его не встречала. А жаль: всю дорогу через лес он продумывал свою речь и теперь готов был к показательному выступлению.

Здравствуй, как у тебя дела? Хорошо? И у меня хорошо. Лидия чувствует себя прекрасно. Теперь давай перейдем к расследованию.

Неплохая речь, правильная и безопасная. Леону хотелось как можно быстрее произнести ее, преодолеть первый момент неловкости после долгой разлуки, заглушить в себе тоску по ней возможностью хотя бы видеть ее рядом. Тогда станет легче – по крайней мере, на это он надеялся.

В доме было холодно, как на улице. В серых комнатах были установлены батареи, но они то ли были отключены, то ли в принципе не работали, от здания-Франкенштейна можно было ждать чего угодно. Леон невольно вспомнил, что и в день их знакомства Анна встречала его такой же пустотой, но тогда хотя бы была музыка, направившая его к нужной комнате.

На этот раз музыки не было. Зато дверь в подвал оказалась открыта, а рядом с ней стояла глиняная фигурка белого кролика, испуганно сжимающего передними лапками большие карманные часы.

– Ты серьезно? – усмехнулся Леон. – Ладно, допустим...

Он шел туда, куда она указала, не зная, что его ждет. В этом было особое волнение – приятное, покалывающее острыми иголочками, заставляющее ускорить шаг, чтобы побыстрее узнать, что его ждет. Он не хотел поддаваться на ее трюки, но иначе не получалось, и Леону оставалось лишь мысленно повторять правильную, вежливую речь привет-

ствия.

Подвал оказался таким же угрюмым и негостеприимным, как дом, но Леону и не полагалось там задерживаться. В другом конце зала его ожидала еще одна дверь, искусно замаскированная в иное время, а теперь распахнутая для него. Из-за двери лился бело-желтый свет, и, подойдя поближе, Леон обнаружил, что за ней скрывается короткий, хорошо освещенный коридор, упирающийся в другую металлическую дверь.

Похоже, ему предстояло войти в бункер. Леон не знал об этом месте, но догадывался: Анна не раз намекала ему во время прошлого расследования. Получается, она не просто ответила на его письмо, она пригласила его в свой настоящий дом, тот, о котором немногие знали? Она не затаила обиду и, возможно, тоже скучала по нему?

Леону пришлось остановиться, сделать глубокий вдох, повторить про себя правильную речь. Только после этого он постучал в дверь.

Ответа не было, хотя Анна наверняка его услышала: глухой звон металла, кажется, и до ближайшего леса долетел! Но Леон не был испуган, классический радушный прием был просто не в ее стиле. Поэтому он повернул ручку, и металлическая дверь, незапертая, легко поддалась.

Он словно попал в другой мир, но это не был мир низких потолков, серых бетонных стен и вечной сырости. Нет, бункер, в котором он оказался, был очевидно новым, напоминающим Леону те подземные дома, которым посвящали

длинные статьи в интернете. Здесь все было сделано так, чтобы подземелье не выглядело подземельем. Высокие потолки, светлые цвета, самая обычная мебель и даже декоративные окна: тот, кто проектировал это место, постарался на славу, и Леону оставалось лишь догадываться, каких денег это стоило. Он не был удивлен, ему говорили, что Анна очень хорошо зарабатывает.

А еще она чего-то боится. Свое прошлое она хранила за семью печатями, и каждый факт о ней был драгоценным сокровищем, стоившим Леону немалых усилий. Но он подозревал, что настороженность Анны связана с жутким шрамом на ее правой руке. Что бы с ней ни произошло, оно навсегда наполнило ее подозрительностью и недоверием, поэтому ни одна городская квартира и ни один дом не подарили бы ей чувство безопасности. Но бункер, похоже, справлялся неплохо.

Дверь привела Леона в коридор, отсюда можно было увидеть библиотеку и гостиную. Пока ему было сложно определить размер этого места, однако он уже мог сказать, что Анна отлично устроилась. Знать бы только, где она сама! Ничего, появится...

Ему казалось, что все идет правильно, так, как и следовало ожидать. Но за очередной приоткрытой дверью его ожидало зрелище, к которому Леон оказался не готов.

Там находился небольшой уютный кабинет, теперь залитый кровью. Зловещая багровая лужа ртутью блестела на де-

ревянном полу, алые брызги разлетелись по стенам, задели стол и книжные полки. Рядом с лужей были видны разводы, среди которых угадывались отпечатки рук: похоже, кто-то упал здесь и пытался встать. Но встал ли? Возможно ли это после такой потери крови?

Он не знал, что и думать, а собственное воображение уже работало против него. Что, если Анна, ожидая его, слишком рано открыла дверь? У нее хватало врагов, и многие из них могли выследить ее, узнать, где она живет! Открытый дом, открытый подвал, незапертый бункер... Идеальное убежище, которое она сама сделала бесполезным! И тот, кого послали за ней, не стал медлить. Он напал на нее, а она ведь такая хрупкая, тонкая... Да, она тренируется, но разве этого достаточно против рослого мужчины? У нее не было времени ни спрятаться, ни подготовиться, он застал ее врасплох и...

И что? Да что угодно! Перерезал горло, вскрыл живот, ударил ножом в сердце. Один чудовищный образ сменял другой. Леон в жизни не сталкивался с таким быстрым, захватывающим всю его душу страхом. Лесной пожар – и тот распространяется медленней! Когда он сам был ранен и истекал кровью, собственная смерть не пугала его так сильно, как ее смерть. Леон вдруг четко понял: если ее действительно убили здесь, за пару минут до его приезда, он просто не сможет жить.

Он был способен принять это решение вот так легко, да.

Не будет силы, способной заставить его вернуться на поверхность. Потому что он мог оставить ее, отпустить, но ему все равно было важно знать, что она есть в этом мире, у нее все хорошо... Теперь она умерла, а он не успел ее спасти!

Его сердце билось все быстрее, напомнила о себе травма легкого, и ему становилось трудно дышать. Как во сне, он двинулся с места, подошел к багряной луже, протянул к ней руку...

– Да не трогай ты эту дрянь, дай я уберу!

Разряд электричества – и тот шокировал бы его меньше, чем голос Анны, прозвучавший совсем близко. Выпрямившись, Леон с удивлением обнаружил, что она стоит в арке, ведущей из кабинета в соседнюю комнату.

Она совсем не изменилась за эти месяцы – да и с чего бы ей меняться? Все такая же худощавая, подтянутая, светло-карие глаза наблюдают за ним с насмешкой, как и прежде, в них нет и тени затаенной обиды. Волосы на этот раз каштановые, но это ничего не значит – просто краска... Их общий знакомый, психотерапевт, как-то обмолвился, что на самом деле волосы у нее седые, однако Леон никогда не видел их такими.

Она была жива, но не невредима. Ее светлую кожу заливала свежая кровь, темные пятна пропитали ее короткие джинсовые шорты, светлую майку и даже эластичные бинты, которыми она закрывала травмированную правую руку. Такой она могла присниться ему только в страшном сне! Леон ста-

рался успокоиться, но не получалось, дышать становилось все сложнее, в груди появилась горячая острая боль.

Его правильная приветственная речь была забыта, дружелюбно-нейтральное выражение лица, которое он так долго репетировал перед зеркалом, – тоже. Он боялся за нее, она была важна для него, и он не мог это скрыть.

– Аня, что с тобой случилось? – с трудом произнес он.

– Это не со мной, это с ведром бутафорской крови, – тяжело вздохнула она. – Я его хотела переставить, а там крышка оказалась бракованная, и – пабам! – кровавый душ.

Облегчение, которое он почувствовал в этот момент, легко могло сравниться с недавним страхом. В этом чувствовалась горькая ирония: новость о том, что его жена беременна, не радовала его так, как сегодняшнее открытие. Он не удержался, подался вперед и обнял ее, ему нужно было почувствовать, что она действительно настоящая.

Плакало его стремление общаться с ней исключительно с профессиональной вежливостью.

– Дурик ты, – прошептала Анна ему на ухо. – Сейчас ведь сам в этой пакости будешь!

– Плевать. Она хоть отстирывается?

– Без проблем. Тут обидно не то, что бардак, а то, что это еще последнее ведро бутафорской крови. А все потому, что понабирали на работу криворуких где-то!

Он не стал даже спрашивать, зачем ей бутафорская кровь, да еще и в таком количестве. Подобные вещи нужно было

просто принимать как логичную часть жизни Анны Солари. Потому что если уж пускаться в расспросы, спрашивать придется обо всем, начиная с этого бункера.

Леон отстранился от нее, несколько смущенный собственной откровенностью. Впрочем, он ни о чем не жалел: это неожиданное приветствие спасало его от будущего лицемерия. Он показал, что она важна? Пусть будет так, раз уж это правда.

Анна восприняла его симпатию спокойно, будто иначе и быть не могло, она не собиралась ни кокетничать с ним, ни упрекать его. Здесь, рядом с ней, ему казалось, что они не расставались на несколько месяцев, а его решения не видеть ее никогда и вовсе не было.

Да, ему нужно было держаться за свою правильную жизнь. Но сейчас ведь идет расследование, а это важнее всего, и можно сделать исключение... можно делать любые исключения.

Волнение улеглось, но боль в груди не утихала. Леону пришлось достать ингалятор и сделать несколько глубоких вдохов. От этого стало легче, и все же ему было неприятно, что Анна это видела.

Однако она ничего не сказала. Она бросила раздраженный взгляд на лужу крови и поморщилась:

– Ай, потом убери. Кофе будешь? Тебе его хоть можно? Или лучше чай?

– Если слушать все запреты врачей, то мне и жить нельзя.

Лучше чай.

– Ладно, подожди меня там. – Анна кивнула на комнату, в которую вела арка. – Сейчас все принесу.

Эту комнату можно было воспринимать как продолжение кабинета. Но если зал, теперь залитый кровью, был оформлен в темных тонах, то здесь все было наполнено светом. На стенах были закреплены тонкие металлические панели, на которых магниты удерживали фотографии, присланные Леоном. Что ж, она восприняла это дело всерьез, хотя с Анной иначе и быть не могло.

Когда она вернулась с двумя чашками, он как раз изучал снимки с места убийства Артура Селиванова.

– Думаю, это не совсем нормально, – признал он.

– Что именно? Труп на кровати? Ну да, как-то не очень.

– Нет, то, что мы можем пить чай в окружении фотографий с чьей-то смертью.

– Это было бы ненормально, если бы мы их развешали только для того, чтобы чай рядом пить, – указала Анна. – Вроде как: «М-м-м, ничто так не подчеркивает вкус мелиссы, как изображение мертвеца!» Или повесили их в спальне, тоже по понятной причине. Но эти снимки здесь, чтобы хоть кто-то помог этим людям. После смерти тоже можно помогать, знаешь ли.

– Пожалуй, ты права...

От чая пахло травами – мягко, сладко, успокаивающе. Леон чувствовал, как его покидают остатки страха, вспых-

нувшего из-за крови в кабинете. Он рассматривал снимки, теперь уже распечатанные, собранные воедино, и только теперь вспомнил, что переслал Анне не всю информацию.

– Слушай, а ведь я забыл указать, какая именно змея укусила Селиванова! Ее все-таки определили. Это был...

– Бумсланг, – прервала его Анна. – Я догадалась.

– Ты... догадалась?

– Да. Что тут сложного?

Просто замечательно. Дима подстреленным лосем носился по Москве, выискивая экспертов, а она догадалась! Хотя Дима сам виноват: никто не мешал ему обратиться к ней раньше.

– Как о таком вообще можно догадаться? – поразился Леон.

– Я, конечно, не специалист, но конкретно об этом читала. Считай это или везением, или совпадением: пару лет назад мне попались работы Карла Шмидта. Поэтому когда я увидела описание смерти Селиванова, все симптомы и конечную причину смерти, я и подумала о бумсланге.

– Так, а ради развития нас, не таких начитанных... Карл Шмидт – это вообще кто?

– Американский герпетолог. Его как-то укусил молодой бумсланг, и Шмидт, тогда уже шестидесятисемилетний дядька с огромным опытом работы со змеями, решил, что ничего серьезного ему не будет. Мол, змея молодая, мелкая, она не могла выпустить достаточно яда для смерти крупного

мужчины. Увы, это был прокол с его стороны. В следующие двадцать четыре часа он записывал все симптомы, все, что с ним происходило. И когда стало ясно, что становится только хуже, ему предложили медицинскую помощь, но он отказался, потому что хотел записать все, что будет дальше. Представляешь, каково это? Умирать почти сутки, в окружении людей, с возможностью быть спасенным – или, по крайней мере, шансом на спасение. Но все равно умирать!

– Может, он не верил, что умрет...

– Возможно, если учитывать, что яд бумсланга влияет на мышление. Но Шмидт был достаточно умен, чтобы не исключать такую возможность полностью. Принятие смерти вместо страха перед ней... Признаюсь, этот случай меня впечатлил, поэтому я и запомнила описание малыша бумсланга. И тут я читаю описание того, что было с господином Селивановым: головная боль, тошнота, сонливость, странное поведение, а потом – кровотечение. Картинка сложилась сама собой.

Вот на это Леон и надеялся, когда отправлялся сюда. Анна милостиво избавила его от сложных разговоров и объяснений, она перешла к делу. Ее голос звучал мягко, плавно, так, как и раньше. У нее были ответы, которые не только помогали расследованию, но и доказывали, что Леон не зря к ней обратился – и может обратиться снова.

– Знаешь, что меня больше всего удивляет? – задумчиво спросил Леон. – То, что этот тип, Селиванов, так пофи-

гистски отнесся к укусу змеи. Заклеил лейкопластырем – и пошел!

– Зря удивляет. Ты бумсланга видел?

– Да как-то не был представлен лично...

– В интернете картинки посмотри, – посоветовала Анна. –

Бумсланг – мелкая змейка из семейства ужеобразных. Угадай, на кого он похож?

– Серьезно? На ужа?

– Он, прямо скажем, не копия, слишком дальняя родня.

Но все зависит от того, где и как прошла его встреча с Селивановым. Возможно, там было мало света, да и вряд ли бумсланг сидел смиренно, позволяя разглядеть себя со всех сторон. Тот, кто разбирается в змеях, не перепутал бы бумсланга и ужа. Но вряд ли это относится к Селиванову. Ему змея показалась ужом непривычной окраски, и это более предсказуемый вывод в наших широтах, чем нападение африканской рептилии. Бумсланг укусил его – и в ближайшие полчаса ничего не произошло. Это тоже усыпило бдительность Селиванова, заставило поверить, что он столкнулся с простым ужом.

Теперь уже и Леон начинал понимать, как это было.

– А потом его вызвали на допрос, и ему стало не до укуса, – подхватил он.

– Вот именно. Заклеил лейкопластырем и пошел. В этом плане бумсланг – редкая подлюка. Его яд действует медленно, но верно. Кстати, может и не убить, кому как повезет. Но

если от Селиванова действительно хотели избавиться, ему наверняка подсунули достаточно взрослую и крупную змею.

– Как считаешь, это маньяк или нет?

– Без понятия, – пожала плечами Анна. – Фактов мало. То есть да, велик соблазн сказать: «Конечно, это маньяк, больной ублюдок, которому нравится смотреть на чужие мучения», но не все так однозначно. Во-первых, это дорогие убийства, и я не представляю, как их мог организовать один человек. А группа маньяков – это не невозможно, но маловероятно, в истории их было очень мало. Во-вторых, жертвы – люди бизнеса. Возможно, жестокость и показательность их смертей – это часть плана, послание для кого-то, а вовсе не признак извращенного ума.

Вот это был опасный момент. Если с делом не связан маньяк, то Анне, по идее, это неинтересно. Однако пока она и речи не заводила о том, чтобы он забирал эти свои фотографии и убирался.

– Сейчас полиция проверяет все их связи, – сообщил Леон. – Партнеров, конкурентов, клиентов – всех. Это дело ведет неплохой следователь, и, я уверен, она и личные связи проверит.

– Очень хорошо, – кивнула Анна. – Но я бы все равно дала этому неплохому следователю пару советов.

Леон не слишком хорошо знал Ингу Шипову – больше по рассказам брата, чем по личному общению. Но он подозревал, что к советам Анны она может и не прислушаться. Хотя

так ли это важно? Если не прислушается она, он проверит все сам.

– Что за советы?

– Первые связаны со змеей, и это очевидно. Ищите того, кто занимается поставками в Москву экзотических рептилий. Получить бумсланга – это вам не червей на рыбалку накопать. Второй совет – нужно узнать, где именно Селиванова укусили. Раз он не устроил скандал, встреча со змеей показалась ему более-менее ожидаемой. Вряд ли на его пути было много таких мест, так что определить будет нетрудно. Ну и третий совет связан с покойным Сергеем Увашевым. По его делу есть какие-нибудь подвижки?

– Полный ноль, – признал Леон. – Если в случае с Селивановым еще цепляются за эту змею, то с Увашевым все сложно. Он исчез в никуда и появился ниоткуда. Там не то что подозреваемых, материального воплощения преступника нет!

– Это потому, что вы не на то смотрите.

– На видеорекамеры мы смотрим, на что же еще?

Анна перешла к панели, на которой были закреплены фотографии тела в кинотеатре, и постучала по ним пальцем.

– Вот на это.

– И что здесь особенного?

Она еле заметно улыбнулась.

– Знаешь, почему я не люблю готовый попкорн, который продается в пакетах? Потому что он залит глазурью по самое не могу, пластик прожевать – и то проще. Но так нуж-

но, иначе его не сохранишь. Хотя этот пенопласт не идет ни в какое сравнение со свежеприготовленным попкорном, тут никто спорить не будет. У свежего попкорна, в свою очередь, тоже есть недостаток: он долго не хранится. Сначала становится тусклым, потом – хрупким, редкая дрянь!

Он наконец начал понимать, к чему клонит Анна. Леон подошел поближе к фотографиям, чтобы рассмотреть золотистые зерна попкорна, окружающие тело Сергея Увашева.

– А этот – свежий...

– Относительно, но приготовленный определенно в те же сутки, что тело было оставлено там. Понятно, что это была издевка: мол, смотрите, он умер от голода, а труп сидит тут с огромным ведром попкорна. Ха-ха, очень смешно. Но нам важно не это извращенное чувство юмора, а то, что использовали большое ведро попкорна, причем фирменное – с символикой кинотеатра, чтобы у билетерш не появилось никаких подозрений.

– То есть его вполне могли купить в этом кинотеатре?

– А могли и подделать, невелика наука. Но эта версия для нас бесполезна, поэтому вернемся к честной покупке. Это большое ведро попкорна, а если учитывать наценку кинотеатров, по цене оно сравнится с подержанным автомобилем восьмидесят пятого года выпуска.

– Думаю, ты несколько преувеличиваешь... Но идея ясна. Мало кто покупает попкорн такими баулами за такие суммы.

– Вот именно, – кивнула Анна. – Поэтому просмотрите за-

писи еще раз, но ищите не парня, который тащит в зал труп – вы его не найдете, он знал, что делает, он бы вам не попался. Нет, смотрите, кто в этот день и даже в предыдущий вечер покупал попкорн в таких количествах. Это может вам ничего не дать, но список составьте. Вдруг там будет имя, которое потом мелькнет еще где-нибудь.

– Понял, передам. А ты? Ты что будешь делать? – не выдержал Леон.

– Я? Допью чай, переоденусь, смою с себя кровь и тоже попробую порасспрашивать знакомых, которые в теме, про бумсланга. У меня в отношении маньяков презумпция виновности: пока не будет доказано, что за этим стоит не серийный убийца, я в деле.

* * *

Часы показывали, что уже десять вечера, участок не совсем опустел, но затих, да и те немногие, кто оставался тут на ночную смену, казались сонными и безразличными ко всему. Им наверняка хотелось побыстрее отбыть свое и уйти.

Инга могла уйти в любой момент. Такое право появилось у нее уже давно, часа четыре назад, а она все не спешила. Работу всегда можно найти, если есть желание: заполнить бумаги, просмотреть показания свидетелей...

Да и не хотелось ей домой. Ингу не пугали преступники, прямые угрозы, направленное на нее оружие. К такому она

привыкла – заставила себя привыкнуть, иначе она не продержалась бы в полиции так долго. Но звук часов, одиноко тикающих в абсолютной тишине, наполнял ее душу холодным отчаянием, заставлял ее думать о том, что давно было потеряно. Забавно? Да, было бы, если бы не было так горько.

Поэтому она погружалась в работу с головой и позволяла себе утонуть.

Об этом знали многие, Инга никогда не таилась – с чего ей таиться? Она знала, что это порождает слухи о ее личной жизни, по большей части верные. Она такого не стеснялась, ее давно уже не волновало, что о ней думают другие. Для нее главным было то, что ее не беспокоили.

По крайней мере, обычно не беспокоили. Сегодняшнему дню предстояло стать исключением: часовая стрелка двигалась от десяти к одиннадцати, когда в кабинет Инги постучали.

– Войдите, – позволила она.

Она никого не ждала, и ее удивление лишь возросло, когда она увидела перед собой Дмитрия Аграновского.

Он не работал в этом участке, с чего бы ему появляться здесь, да еще и в такое время? Она бы решила, что перепутала его с кем-то, но его невозможно было не узнать: высокий, подтянутый, хотя и не слишком спортивный, с уже наметившимся животом, все еще смуглый после давно прошедшего лета. Серо-голубые глаза внимательно наблюдали за ней через стекла очков.

– Добрый вечер, – кивнул ей он. – Не сильно отвлекаю?
Опомнившись, Инга указала ему на стул.

– Добрый. Нет, не сильно, просто это слишком неожиданно даже для вас. Или тот мой ночной звонок убедил вас, что при свете дня я не работаю?

– Да это, скорее, общеизвестная истина – вы работаете круглые сутки.

– Даже так?

– Ярлыки тут навешиваются быстро.

– Ну а вы что же? – полюбопытствовала Инга. – Тоже домой не спешите?

– Если придется. Как правило, это связано с такими вот делами.

Это не могло быть связано ни с какими делами – и не должно было. Аграновский был судмедэкспертом, ему не полагалось лезть в расследования. В то же время Инга слышала, что именно с его помощью совсем недавно было раскрыто громкое дело, поэтому не спешила возмущаться и прогонять его.

– Что же привело вас сюда? – только и спросила она.

– Хотелось узнать, появились ли новые подозреваемые.

– Нет, никаких. Скорее, исчезли старые.

– В смысле?

Сказать ему или нет? Ей не полагалось говорить, но в этой информации не было ничего страшного. Скорее всего, он и так завтра узнает от других следователей, с ними он общает-

ся куда свободней.

– Соня Селиванова пропала, – пояснила Инга. – Сегодня об этом объявил ее адвокат.

– Разве она не под подпиской?

– Нет, зачем? Для этого нет оснований. Но мы с Соней говорили, она никуда не собиралась, и причин не было. Мне показалось, что она поглощена грядущими судами с родней, уезжать ей просто невыгодно.

– Думаю, еще рано говорить и об отъезде, и об исчезновении. Насколько я понял, еще и суток не прошло.

– И половины суток.

– Я видел эту Соню на месте преступления. Не похоже, что она сильно горевала по мужу уже тогда, – указал Аграновский. – Если я прав, ей ничего не стоило отправиться на ночную вечеринку, завтра объявится.

– Хотелось бы верить.

Инга и сама была не слишком обеспокоена. Да, можно было предположить, что Соня Селиванова организовала убийство мужа, а теперь сбежала. Но... вряд ли. Инга не стала бы говорить об этом открыто, но для себя она уже определила, что эта девица на удивление глупа. Она при всем желании не смогла бы организовать нечто подобное, да и средств бы ей не хватило: Селиванов, наученный горьким опытом предыдущего развода, строго следил за тем, сколько денег получала его нынешняя супруга.

– Вы пришли сюда не для того, чтобы говорить о Соне, –

указала Инга.

– Верно, про Соню я до этого не знал, да и, если честно, не считал ее достаточно важной для обсуждения. Я пришел, чтобы предложить помощь следствию.

– Красиво закурили. В чем выражается эта помощь?

– В паре советов.

Инге хотелось открыто рассмеяться. Да уж, испортили детективные сериалы людей! Из-за них каждый думает, что может вести расследование. А уж люди, мало-мальски связанные с полицией, и вовсе считают, что у них есть какие-то привилегии.

Но судмедэксперты могут влиять на следствие только на экране телевизора. В реальной жизни у них есть своя роль, понятная и относительно простая. Дмитрий Аграновский справлялся с этой ролью великолепно, намного лучше других, и Инга ценила его за это. Но не больше; даже если ему один раз повезло и он помог найти преступника, вряд ли это повторится.

Однако рассмеяться ей не позволила вежливость, и она сказала:

– Да, конечно, прошу.

Она ожидала услышать какой-нибудь любительский бред, но Аграновский неожиданно начал говорить по делу. Он не был похож на самовлюбленного дилетанта, возомнившего себя Шерлоком Холмсом. Чувствовалось, что ему непривычно так рассуждать, он то и дело заглядывал в записную

книжку с какими-то пометками, и все равно его речь получилась вполне связной и убедительной.

Кое о чем Инга догадалась и без него: возможных торговцев змеями уже искали, хотя она сомневалась, что это к чему-то приведет. А место, где Селиванова могли укусить, и вовсе давно обнаружили: в его кабинете был угол с экзотическими растениями, в котором вполне могла скрываться змея.

Но эта версия с попкорном... Бредовая на первый взгляд, она при ближайшем рассмотрении могла оказаться вполне любопытной.

– Спасибо, я учту это, – кивнула Инга. – Не ожидала! Как вы до этого дошли?

– Да я... – Аграновский отвел взгляд. – Давайте не будем об этом. Какая разница? Все на пользу следствию!

– Это ведь ваше открытие, не так ли?

– Это так принципиально?

– Вполне, – нахмурилась Инга. – Ведь иначе мне пришлось бы предположить, что вы разглашаете подробности уголовного дела посторонним!

– Нет, такого не было, можете быть спокойны.

– Похоже, у нас с вами разное представление о посторонних.

Она слышала о принципиальности и честности Дмитрия Аграновского, да и теперь, общаясь с ним, видела, что те слухи верны. Но помнила она и то, что его брат раньше работал в полиции.

Возможно, брат помог ему сейчас и в предыдущем расследовании. Но если самому Аграновскому это кажется правильным, то напрасно! Инга терпеть не могла любые попытки частных лиц лезть в расследование, это было ненормально и опасно.

Пока у нее не было никаких доказательств того, что Аграновский привлек к делу брата, и ей пришлось затаиться.

– Хорошо, спасибо, – натянуто улыбнулась Инга. – Я про верю эту версию.

– Я был бы не против взглянуть на результат...

– Зачем вам это? Отдыхайте, Дмитрий, вы сделали все, что могли. Вы не в пионерском лагере, усердие тут не всегда приветствуется!

Он заметно помрачнел, но так ничего и не сказал ей. Аграновский просто закрыл записную книжку и быстро вышел из кабинета.

Возможно, ему ее поведение показалось неблагодарностью, но Инга не чувствовала за собой никакой вины. Она настоящий полицейский, она должна пресекать любые игры в детективов, иначе порядка не будет нигде. Поэтому Инга собиралась не только проверить версию Дмитрия Аграновского, но и понаблюдать за ним самим... просто на всякий случай.

Соне было плохо. Ее мутило, как после сильной попойки, и она совершенно не помнила, что с ней случилось. Но ей это было не впервой: где ей только не доводилось просыпаться в бурной юности! И с кем... Однако с годами это становилось все тяжелее, здоровье было уже не то, да и она стала женой уважаемого человека, который за такие развлечения мог подбить ей глаз.

Поэтому она старалась следить за собой и не отключаться вот так...

Стоп.

Она и не отключалась. На нее напали в собственном доме! Эта мысль была настолько дикой и шокирующей, что мгновенно привела Соню в себя. Она вскочила, испуганно оглядываясь по сторонам, она совершенно не знала, чего ожидать. Хотя уже то, что она не была связана, поражало. Ее определенно похитил какой-то извращенец! В фильмах показывали, что, когда такое происходит, жертву насилуют, пытаются, убивают... А Соню не тронули.

Она обнаружила, что лежит на узкой, но вполне удобной кровати. Ее одежда осталась нетронутой, только шубу с нее сняли, но вряд ли ради наживы, потому что на ее украшения похитители не позарились. Соня чувствовала, что ее не избивали, не насильовали, а плохо ей определенно из-за той

дряни, которой ее усыпили. Но зачем тогда этот цирк?

Осмотревшись по сторонам, она обнаружила, что оказалась в полутемном зале без окон. Почерневшие кирпичи стен и полукруглый свод указывали, что это подвал, причем старый, Соня в жизни таких не видела.

Зал был разделен металлической решеткой. Мебели здесь оказалось немного: кровать, на которой она проснулась, стул, стол, причем стол тоже был разделен ровно посередине. Вторая половина зала тонула во тьме, и Соня, как ни старалась, не могла рассмотреть, что там.

Но в целом ее положение было не таким бедственным, как она ожидала. Особенно ее порадовало то, что стол был накрыт, а рядом с бокалом вина она обнаружила стакан воды и таблетку аспирина.

Она как раз выпила ее, когда с другой стороны зала прозвучал голос.

– С пробуждением. Прошу прощения за то, что дорога сюда была не слишком приятной.

От неожиданности Соня крикнула и уронила стакан, разлетевшийся при ударе о бетонный пол на десятки осколков. Она испуганно всматривалась в темноту, но никого не могла там рассмотреть. Да и голос был незнакомым – мужским, тихим, вкрадчивым; Соня не сомневалась, что никогда не слышала его прежде.

– Ты кто? – только и смогла спросить она.

– Это не так важно. Мне просто очень хотелось встретиться-

ся с вами, Соня.

– З-зачем?..

– Вы понравились мне. И, раз уж вы теперь свободны, я бы хотел сделать вас своей любовницей.

Соня удивленно моргнула. Нет, такие отношения не были ей противны или непривычны. Но никогда еще их не предлагали так открыто!

Как ни странно, это предложение успокоило Соню, убедило, что похищение и решетка – всего лишь попытка ее впечатлить. Почему нет? Мужчины – странные создания, и ей легко было поверить, что кто-то мог влюбиться в нее с первого взгляда.

Но это лишь игра. Если бы он на самом деле был каким-то психом, он бы ее просто связал и взял свое, разве нет? Поэтому Соня уверенно села за стол и пригубила вина; она была голодна.

– Я вообще-то скорбящая вдова, – напомнила она.

– Вдова – да, это такая же неудобная формальность нашего общества, как супружество. Но скорбящая ли?

– Обязательно! – отозвалась Соня, отрезая первый кусочек рыбы.

С каждой секундой она чувствовала себя все увереннее. Соня давно усвоила, что у истинной соблазнительницы есть власть над мужчиной. Получается, сейчас власть была у нее, даже за этой решеткой.

– Тем не менее у меня есть основания полагать, что мое

предложение будет вам интересно.

– Что же это за предложение? Объясни уже толком!

Рыба была приготовлена великолепно, вино оказалось дорогим, да и посуда явно была не из супермаркета. Да, Соне определенно было интересно его предложение.

– Секс, – просто сказал он.

– Это понятно. На каких условиях?

– Вы живете здесь и проводите время со мной. Только здесь и только со мной. Взамен вы получаете все, что душе угодно, но не покидая мою территорию.

– Э, нет, постойте! – нахмурилась Соня. – Так не годится!

– Это так уж страшно? Что вы теряете? Круг общения?

Уверен, что смогу его заменить.

– Вряд ли!

– А вы попробуйте.

– Слушай, а ты не на бывшую жену Артурчика работаешь?

Эта мысль только что пришла в голову Сони, и теперь, когда она задала вопрос, казалась самой правильной. Да, очень может быть! Все это устроили бывшая Артурчика и ее отродье, чтобы показать, какая Соня развратная. Адвокат ведь предупреждал ее, что на суде все средства хороши!

– Я ни на кого не работаю, – заявил незнакомец.

Но теперь, когда Соня придумала свою версию, она больше не собиралась ему верить.

– Черта с два! Я хочу уйти отсюда, сейчас же!

– Подумайте над моим предложением.

– А если я откажусь? Что ты тогда сделаешь? Придушишь меня?

– Я вас отпущу. Ну а дальше...

– А дальше тебя не касается, – прервала его Соня. – Можешь отпустить, так отпускай, и не нужно было меня похищать ради такого бреда. Я верна своему мужу, вот так-то!

На темной стороне зала воцарилось молчание, и Соня даже не была уверена, там ли еще незнакомец. Мог и уйти... И все же он обратился к ней снова, но его голос звучал куда холоднее:

– Как вам будет угодно. Надеюсь, вы навсегда останетесь так же прекрасны, как сегодня.

Жуткий все-таки тип, однако это уже неважно, если ей позволено уйти.

Она слышала, как на той стороне хлопнула дверь, и ждала, что будет дальше. Соня надеялась, что ее просто выпустят отсюда и с этой мутной историей будет покончено. Но все оказалось куда сложнее.

Сначала она услышала шипение, потом был странный запах. Соня закашлялась, ей казалось, что она задыхается. Ощущение того, что она теряет сознание, после недавних событий уже стало привычным, и она понятия не имела, позволят ли ей очнуться второй раз. Что, если незнакомец обманул ее? Что, если все это – месть за отказ?

Но нет, она проснулась, и на этот раз пробуждение было не таким мучительным. Она оказалась в салоне дорогого ав-

томобилья – судя по размеру и обстановке, лимузина. От водителя она была надежно ограждена стенкой, и она понятия не имела, кто за рулем. Соня все так же была одета и не ранена, а на соседнем сиденье лежала ее шуба.

Когда она очнулась, машина плавно двигалась, но очень скоро остановилась – до того, как пленница успела даже крикнуть. Соня тут же кинулась к дверце, не особо надеясь на успех.

Дверца поддалась, выпуская ее на свободу. Соня оказалась на знакомой улице в центре Москвы, в разгар дня, в толпе вечно спешащих куда-то прохожих. Она словно вышла из своей машины! Изумление было настолько велико, что она даже не обернулась сначала. А когда Соня вспомнила, кто доставил ее сюда, лимузина уже и след простыл, он затерялся в загруженном потоке машин.

Ей оставили не только одежду и шубу, в кармане лежал ее мобильный телефон с десятками пропущенных вызовов. Она отсутствовала всю ночь и половину дня! Нет, это не могло быть нормально... Даже если это розыгрыш, устроенный бывшей Артурчика, старой стерве придется заплатить!

Желающие поговорить с ней почти разрядили аккумулятор, и Соня догадывалась, что у нее получится сделать лишь один звонок, прежде чем трубка окончательно отключится.

Хотелось позвонить адвокату или вызвать такси, но она понимала, что, если она собирается наказать своего похитителя, ей не повредит союзник понадежнее. Поэтому она на-

брала номер следовательницы, которую еще недавно надеялась никогда больше не видеть.

Та ответила почти сразу, словно только этого звонка и ждала:

– Соня, здравствуйте. У вас что-то случилось? Вас объявили в розыск.

– И не зря, меня похитили! – выпалила Соня.

Она рассказала обо всем, что с ней произошло – быстро, эмоционально, зло. Следовательница слушала ее внимательно и, лишь когда рассказ был закончен, сказала:

– Это очень опасная ситуация, пожалуйста, не рискуйте.

– Мне кажется, это был какой-то розыгрыш...

– Возможно, а может, так проявил себя человек, убивший вашего мужа. Поэтому, прошу вас еще раз, не рискуйте. Я сейчас же приеду за вами. Где вы?

Соня назвала ей адрес. Ей и правда было не по себе, хотя в толпе с ней ничего не должно было случиться.

– Я знаю, где это, – заявила следовательница. – Там ведь рядом торговый центр, не так ли?

– Да...

– Подождите меня там или в любом другом людном месте. Не будьте одна!

– Да я и сама не хочу, – поежилась Соня. – Я буду в торговом центре, там как-то веселее.

– Вот и славно. Я буду минут через тридцать-сорок. Не переживайте, теперь все будет хорошо!

Глава 4. Пабло Эскобар

Инга была рада, что Соня Селиванова все-таки нашлась. Да, она не верила, что с этой дамочкой случилось что-то серьезное, и все же после двух таких громких убийств ей было неспокойно.

Но при этом история Сони не была такой простой, как надеялась следовательница. Нападение в ее собственном доме, похищение... Что это, поступок безумного поклонника? Скорее всего, да, ведь иначе Соню вряд ли отпустили бы живой.

Но у многих безумцев есть примечательная черта: они очень легко меняют свои решения. Утром он был в хорошем настроении и не тронул ее. А дальше? Что, если ему в голову взбредет новый каприз и он захочет вернуть милую сердцу игрушку? Поэтому Инге важно было поговорить с Соней, убедить ту, что ей нужна полноценная охрана.

Ради этого Инга даже готова была отвлечься от расследования и отправиться на встречу. Она добралась туда за полчаса – даже быстрее, чем ожидала. Ей казалось, что уж дальше-то не будет никаких проблем. Загруженный торговый центр, сотни посетителей, всюду яркие огни, видеокмеры... Что может пойти не так? Соне только и оставалось, что дожидаться ее.

Вот только Сони нигде не было.

Поначалу это не встревожило Ингу. Торговый центр большой, а они ни о чем конкретном не договаривались. Она попыталась позвонить, но телефон был отключен. Тоже не страшно, он вполне мог разрядиться. Инге только и оставалось, что осматривать этажи один за другим, ожидая найти уже знакомую эффектную блондинку.

Но Сони там не было. Ни в кофейнях, ни в единственном ресторане, ни в многочисленных бутиках. Как это вообще понимать? Неужели она решила взбрыкнуть и уехала? Невозможно, причин нет – Инга даже не опоздала! Да еще и сразу после похищения...

Теперь уже Инга жалела, что велела ей оставаться рядом с местом, где ее высадил похититель. Но как еще она могла поступить? Ей казалось, что, раз Соню отпустили, на нее не будут сразу же нападать, в этом просто нет смысла! С другой стороны, а в чем он тут есть?

Инга не собиралась тратить время, наматывая круги по торговому центру. Теперь, когда ее гнало вперед дурное предчувствие, она готова была действовать решительно. Она направилась в комнату охраны и без труда нашла общий язык с теми, кто был призван следить здесь за порядком – помогла полицейская форма и удостоверение. Инге позволили понаблюдать за торговым центром через камеры в режиме реального времени, так она могла осмотреть все этажи одновременно.

Она не ошиблась, Сони там не было.

– Мне нужны записи за сегодняшний день, – объявила Инга.

Охранник смутился:

– Простите, но этого мы точно дать не можем...

– Почему это?

– Не положено. На такое нужно разрешение администрации.

– Как вам будет угодно, показывайте, где у вас администрация.

Отступить Инга не собиралась, хотя у нее пока не было доказательств, что Соня попала в беду. Но пропала свидетельница по делу с двойным убийством – есть повод напрячься!

Директором центра оказалась перманентно уставшая женщина средних лет. Судя по всему, она не имела к собственникам никакого отношения, ее просто наняли, чтобы эта машина работала как надо и приносила доход нужным людям.

Для директора форма и удостоверение Инги не имели никакого значения.

– Мы записи не предоставляем.

– Но я из полиции!

– Да хоть Бэтмен в резиновых сапогах, мне как-то все равно.

– Препятствуете расследованию? – раздраженно осведомилась Инга. – Это может плохо кончиться!

– Только вот угрожать мне не надо. Я ничему не препятствую, потому что если нет преступления, нет и расследова-

ния.

– Здесь пропал человек!

– Вы и сами признаете, что не до конца в этом уверены. Вы даже не можете ручаться, что эта дамочка входила в наш центр.

– Для этого и нужны записи камер!

– Не будет этого. Подождите чуть-чуть, и ваша девушка объявится сама, вот увидите. Вам-то ничего, а мне потом перед руководством объясняться.

– Это не тот случай, когда можно ждать, – настаивала Инга. – Возможно, каждая минута на счету!

– А возможно, вы друг друга не так поняли, и она ждет вас в кофейне через дорогу. Все возможно! Приходите с ордером, а лучше не паникуйте, скоро все устаканится само собой.

Инге выть хотелось от бессилия. Инстинкты подсказывали: что-то не так, ее и Соню обманули, за этим похищением скрывается нечто гораздо более важное, чем казалось вначале. Но что значили инстинкты для сидевшей перед ней женщины, чем-то неуловимо похожей на улитку?

Сдаваться было рано, Инга умела добиваться своего. Она не сомневалась, что получит ордер – и на изъятие записей, и на обыск, если понадобится. Вот только это отнимет время, причем много, и...

К тому моменту может быть уже слишком поздно.

Леон тоже считал, что им нужно встретиться. Дима какими-то немислимыми путями добыл списки подозреваемых, хотя следовательница определенно не желала идти ему навстречу. Однако когда в полиции хватает хороших знакомых, это не такая уж проблема. Сначала он сделал копию списков для себя, а потом переслал их брату.

Так что да, им нужно было встретиться – в кофейне, ресторане, в городе или даже в этом ее странном бункере, где кровь хранится в ведрах. Но уж никак не у него дома!

Однако Анна была непоколебима.

– Когда-то ты сам дал мне понять, что хочешь сохранить семью любой ценой. Твое общение со мной может помешать этому. Поэтому я хочу, чтобы твоя жена все узнала из первых уст и познакомилась со мной.

Что ж, если кто и умел подавать блюдо мести по-настоящему холодным, то это была Анна Солари. А может, это и не месть вовсе? Может, она действительно хотела, чтобы он сохранил семью? В любом случае ее встреча с Лидией казалась ему отвратительной идеей, но возражать он не стал – не нашел причин.

Лидия, к его удивлению, отнеслась к такой встрече куда спокойнее, чем он ожидал. При появлении Анны она не вцепилась той в глаза и не попыталась одним махом лишиться

скальпа. Нет, Лидия была радушна, как британская леди, хотя в этом радушии вряд ли была хоть капля искренности.

Надолго она с ними не задержалась: после необходимого приветствия Лидия сослалась на плохое самочувствие и закрылась в спальне. Очень скоро Леон услышал, как она разговаривает с кем-то по телефону; должно быть, тут же бросилась жаловаться маме или подругам. Пускай, если ей так легче!

Они с Анной прошли в гостиную, где уже дожидались списки. Наблюдая за ней, Леон вынужден был признать, что она была расслаблена. Она приехала к нему в простых джинсах и кожаной куртке поверх свитера, почти без косметики, с собранными в хвост волосами – в ней не было ничего от соблазнительницы чужих мужей, скорее, она старалась и внешностью, и поведением подчеркнуть, что она – просто друг.

Значит, это все-таки не месть. Леону было почти жаль.

Анна устроилась на диване и разложила перед собой списки.

– Многие имена в них совпадают, – указал Леон. – Хватало людей, которые знали и Увашева, и Селиванова.

– Это нормально, если учитывать, что они работали в одной сфере.

– Пожалуй. Но полноценных подозреваемых у нас нет. Полина Увашева утверждает, что у ее мужа был только один враг, угрожавший его жизни, – Селиванов. Соня Селиванова вообще не в курсе, чем занимался ее муж. Все, тупик, ждем,

когда появятся подозреваемые по твоим наводкам.

– Да и тогда...

Она запнулась, потому что в комнату зашла Лидия, которую никто не ждал, ведь совсем недавно она жаловалась на недомогание. Но боли грядущего материнства не помешали ей переодеться в короткое платье и приготовить кофе, который она теперь несла на подносе.

– Вам уже хорошо? – с легкой улыбкой поинтересовалась Анна.

– Средненько, – вздохнула Лидия. – Я просто подумала: что я за хозяйка буду, если не предложу своей гостье кофе? Пейте, могу и чай сделать!

Этот приступ радушия был совсем некстати, однако Леону пришлось смириться: Лидия вела себя разумнее, чем он. Да и Анна, похоже, не была смущена этим, она с благодарным кивком взяла с подноса чашку.

– И вы присоединяйтесь к нам, – сказала она.

– О нет, спасибо, я кофе пока не пью: прочитала, что это вредно для малыша.

– Да? Не знала. А для кого тогда третья чашка?

– Для Димы, – пояснила Лидия.

– Для какого еще Димы? – удивился Леон. – Ты что, где-то здесь Диму видела?

– А он сейчас подъедет, он мне сказал.

Вот, значит, кому она звонила. Леон не знал, злиться на нее или восхищаться скоростью реакции матери его ребен-

ка. Он-то думал, что она будет просто стенать в телефонную трубку! А она, заподозрив угрозу браку, призвала на помощь своего личного супергероя.

Вроде как ничего необычного не произошло, но Леон чувствовал, что разговора по делу уже не будет.

Дима и правда появился быстро, еще до того, как кофе успел остыть. Такая скорость поражала: после звонка Лидии прошло слишком мало времени, и, даже если Дима бросил все и помчался сюда, он должен был приехать позже. Что вообще происходит?..

Он не стал звонить в дверь, открыл своим ключом и сразу вошел в гостиную. Вид у него был несколько обеспокоенный, сначала он посмотрел на Лидию и, лишь когда она кивнула ему, на Леона и Анну. Леон не собирался скрывать свое недовольство всеми этими разговорами за его спиной, а Анна вела себя так, будто она прибыла на курорт и думает только об отдыхе.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – сухо заметил Дима.

– Почему же? Леон сказал, что ты дал свое отеческое благословение на нашу совместную работу.

– Дело не в этом, просто вы не должны беспокоить Лидию!

– Они меня не беспокоили, – поспешила заверить его Лидия.

– Мы не беспокоили, – подтвердил Леон. – Фотографий здесь, как видишь, нет, есть только списки имен, а их сложно испугаться.

Дима был зол, это чувствовалось, но Анна всегда злила его. Теперь ему нужен был повод выплеснуть свой гнев, а повода не было, и приходилось сдерживаться. Тот, кто плохо его знал, и вовсе не догадался бы, что он не в духе. Однако Леон видел его насквозь и не заблуждался на его счет.

– Тебе все-таки интересно это дело? – поинтересовался Дима, глядя на Анну. – Даже если здесь нет маньяка?

– Людям угрожают не только маньяки.

– Но ты-то интересуешься ими!

– Их врожденными особенностями, – уточнила Анна. – Не нужно выставлять это так, будто я боготворю их. Но, да, я занимаюсь их изучением. Сейчас я здесь по просьбе Леона, поэтому готова сделать шаг в сторону. Это не значит, что я не могу быть полезна. Многие преступники, которые считаются нормальными людьми, гораздо опасней серийных убийц.

– Да неужели? А я думал, что тебя тянет к самому худшему, что есть в роде человеческом!

Попытки Димы уколоть ее становились такими очевидными и примитивными, что даже Леону было стыдно за них.

– Может, хватит, а? – угрюмо спросил он. – Мы здесь по делу!

Вот только Анну невозможно было задеть, она была все так же безмятежна.

– Нет, все в порядке, – возразила она. – Я могу пояснить, если Диме непонятно. Серийные убийцы чем-то похожи на авиакатастрофы.

– Seriously?

– Представь себе. Они появляются редко, уносят сразу несколько жизней, они непредсказуемы и необъяснимы с точки зрения таких философских вопросов, как «За что?» и «Почему?». Их дела – это громкие дела, немногим из них удается остаться незамеченными, а уж тем более непойманными. К тому же американская массовая культура зачем-то сделала из них культ, который позже распространился по всему миру. Но если сравнить количество их жертв с общим количеством насильственных смертей, счет будет не в их пользу. У того же Джека-потрошителя было пять известных жертв, максимум, который ему приписывают, – одиннадцать. И это в конце девятнадцатого века, когда продолжительность жизни была, прямо скажем, не очень. Нет, серийные убийцы шокируют способом и бессмысленностью смерти, но никак не масштабом.

– Разве это их оправдывает? – возмутился Дима.

– Каким образом из всего этого ты сделал вывод, что я их оправдываю, – никогда не пойму. Я просто пытаюсь сказать, что есть преступники еще опаснее. Вот например... Тебе знакомо имя Пабло Эскобара?

– Фильм про него вроде есть...

– Не только фильм, про него много что есть, особа была примечательная. Его еще звали «Кокаиновым королем», и это намекает на его основную деятельность. Но Эскобар не ограничивался продажей наркотиков, он убивал конку-

рентов, организовывал покушения и похищения, да и просто устранял тех, кто ему не нравится. Ты на него не так посмотрел? В принципе этого было достаточно, чтобы тебя потом нашли нанизанным на кактус. А может, и никогда не нашли.

Леон не переставал наблюдать за ними обоими, и это было любопытно. Он видел, что Дима пришел сюда взбешенным, но ровный голос Анны, ее миролюбивая улыбка и доброжелательный взгляд постепенно успокаивали его брата.

Лидия тоже заметила это. Она была настолько оскорблена, что позабыла даже о мудрости интернета и вливала в себя уже вторую чашку кофе.

– Благодаря богатству и не самому приятному характеру Эскобар был связан, напрямую или косвенно, почти с пятью тысячами смертей. Задумайся об этом: пять тысяч. Да, это войны картелей – но это же жизни жен, детей и родителей его врагов. Но, понимаешь ли, эта цифра так масштабна, так невероятна, что она сама по себе служит оправданием. Людям просто тяжело представить, что кто-то может убить население целой деревни. Поэтому пять тысяч трупов Пабло Эскобара вызывали меньшую ненависть, чем пять трупов Джека-потрошителя, такой вот парадокс человеческой психики. Да какая там ненависть, они вызывали любовь!

– Любовь? – поразился Леон. – Кто может любить наркобарона?

– Тот самый пресловутый простой люд – очаровательное определение для толпы, которое любят писатели и сценари-

сты. Эскобар сам прошел через не самое простое детство, поэтому, получив власть, он помогал беднейшим слоям населения. При его богатстве это было несложно. Чтобы вы понимали, у этого парня был отдельный самолет для перевозки налички, и все равно он ежегодно терял около двух миллионов долларов в год – их съедали крысы. Так что ему несложно было строить для бедняков церкви, школы, спортивные площадки. Взамен он получал искреннюю любовь своих подопечных, считавших его чуть ли не Робин Гудом. То, что его деньги пропитаны кровью, для них ничего не значило. Им казалось, что если добрый Пабло убил этих людей, это были плохие люди. Плохих людей можно убивать. Такая вот гибкая логика: хорош тот, кто мне удобен, а не тот, кто не убивает людей. Когда Эскобара застрелили при очередном задержании, на его похороны пришли тысячи человек, его оплакивали. И все это – тоже часть человеческой природы, которую я изучаю, так что меня интересуют не только маньяки. Да, я бы не узнала ничего об этом деле, если бы Леон мне не сказал. Но теперь, когда я знаю, я хочу помочь. Мне неважно, кто это сделал, важно, чтобы его остановили.

Под конец ее рассказа Дима окончательно утомился и сел на диван. Лидия, сообразив, что расправы и скандала не будет, раздраженно вышла из комнаты.

– Ладно, ладно, наверное, в чем-то ты права, – неохотно признал Дима.

– Да, иногда так случается.

Она играла роль – вот только Леон не брался сказать, с самого начала или с того момента, когда пришел Дима. Сегодня она была милой девушкой, живущей по соседству, всеобщей любимицей и приятельницей.

Она редко бывала настоящей рядом с посторонними людьми, и все же Леон льстил себя надеждой, что он ее как раз знает.

– Ты как здесь вообще оказался? – спросил он у Димы. – Разве у тебя не рабочий день?

– Ты удивишься, к тебе ехал. Надо было кое-что обсудить – есть новости.

– По делу? – тут же насторожился Леон.

– Естественно. Пропала Соня Селиванова...

– Так она же вроде бы давно, – указала Анна.

– В том-то и дело, что там все сложнее оказалось. Она пропала, потом нашлась и позвонила Инге. Сказала, что ее похитили – и освободили. Инга велела ей дожидаться в ближайшем торговом центре, но уже через полчаса она приехала, а Сони там не было, хотя они обо всем договорились.

– Хм, становится интересно... Когда это было?

– Вчера. Инга, естественно, захотела проверить записи камер, но руководство там оказалось несговорчивым. Мол, ни шагу без ордера.

Леон прекрасно знал такую породу – помнил по собственному прошлому. Такое упрямство не всегда означало, что этим людям есть что скрывать. Иногда они просто настолько

не любили полицию, что забывали о здравом смысле.

– Но Инга ведь добилась своего? – осведомился Леон.

– Естественно, но на это ушло время, и разрешение на просмотр видео она получила только к вечеру, через несколько часов после исчезновения Сони. Запись подтвердила: в положенное время Соня туда вошла. Но не вышла – ни одна, ни с кем-либо еще. Она бродила по центру, а потом перестала появляться, и пока не удалось узнать, где она была перед исчезновением.

А вот это уже похоже на дело их неуловимого Гудини, с которым Соня была связана. Таких совпадений не бывает.

– Что там будет дальше? – спросил Леон.

– Сегодня утром Инга добилась разрешения на обыск.

– Я смотрю, она упертая!

– Больше, чем ты можешь представить, – усмехнулся Дима. – Да и связи у нее есть. В два часа центр закроют, народ выведут, будут искать.

Если в центре ничего не найдут, Инге придется долго оправдываться, потому что такой масштабный обыск наверняка приведет к грандиозному скандалу. Возможно, это и не разрушит ее карьеру окончательно, но уж точно больно ударит по ней.

– Скажи ей, чтобы взяли собак, – посоветовала Анна. – Учитывая, что у нас тут чуть ли не призрак действует, от собак будет больше толку, чем от людей. А еще было бы хорошо, если бы взяли нас.

– Нас – это кого? – удивился Дима.

– Меня и Леона.

– Исключено! Даже я, возможно, туда не попаду.

– Исключено так исключено, как скажешь, – пожала плечами Анна. – Все зависит от того, насколько сильно вы хотите найти Соню. С ее пропажи прошли сутки, поздновато для свежих следов. Сейчас там может понадобится любая помощь.

Она умела видеть даже самые простые вещи так, как не умел больше никто. Дима это знал не хуже Леона, поэтому сейчас все сводилось к тому, что для него важнее: расследование исчезновения Сони или собственная гордость.

* * *

Анна Солари прекрасно понимала, что она не умеет жить. По крайней мере, нормальной жизнью, той, которую описывают в книгах и показывают в фильмах. Со стабильной работой, квартирой и дачей. С мужем и детишками. Все это настолько естественно для большинства людей, что им кажется: чему здесь можно учиться? Что нужно уметь? Что может быть проще? Но, как правило, они недооценивают собственные достижения, не понимают, что именно такая жизнь, скучная на первый взгляд, – величайшее чудо.

А она давно признала, что у нее ничего не получится. Анна слишком рано потеряла ту основу, на которой обычно

строят фундамент своего будущего. У нее не было перед глазами образа счастливых родителей, зато в памяти раскаленными иглами засели воспоминания о том, как кричала перед смертью ее мать, о чудовище, которое гналось за ней по заброшенному зданию, о ночной грозе, скользкой крыше, о ревущем море... И о смерти. Ее смерти.

Та ночь была главной чертой ее жизни, ее границей между «до» и «после». Анна почти не помнила «до» – прошлое казалось смутным счастливым сном. А «после» она уже была совсем другим человеком, который умел проникать в сознание серийных убийц, охотиться, но никак не жить спокойной жизнью.

Раньше это ей не мешало. Иногда она оглядывалась назад со светлой грустью, думая о том, как все могло для нее сложиться, если бы той ночи не было. Но Анна понимала, что переписать прошлое уже не получится, мертвецы не оживут, а шрам, уродующий ее правую руку, никуда не исчезнет. Поэтому она продолжала идти вперед; может, это была не самая прямая и правильная дорога, но это была *ее* дорога, с которой она не собиралась сворачивать.

А потом случился Леонид Аграновский. Не появился, а именно случился – почти как стихийное бедствие. Она знала, что он будет особенным – ее предупредили. Тогда это ничего не значило для нее, она уже встречала особенных людей, сближалась с ними, интересовалась ими, но не подпускала слишком близко к своему внутреннему миру, скрыто-

му и предназначенному только ей одной. Так проще: когда бережешь самое главное в своей душе ото всех остальных, тебя сложнее застать врасплох.

С Леоном тоже все должно было сложиться предсказуемо, и она даже сейчас не могла сказать, когда и почему их отношения изменились. Пожалуй, когда она узнала о его прошлом – это не было единственной причиной притяжения, но это стало переломным моментом. Она поняла, что их связывают не просто общие интересы и тот редкий дар, с которым они родились, у них похожее прошлое, и Леон, пожалуй, поймет ее лучше, чем кто-либо другой. Вскоре после этого пришло понимание, незнакомое и странное, что он нужен ей и ей очень хотелось бы видеть его рядом.

В то же время Анна прекрасно знала, что это невозможно, и не собиралась ничего менять. У Леона была семья – такая, как надо, с женой и ребенком. Для нее это было святыней, недостижимой для самой Анны, а потому восхищающей ее. Она, не знавшая отца и рано лишившаяся матери, готова была пойти на все, чтобы Леон получил свою долю понятного, простого счастья.

Поэтому, когда он написал ей, что им лучше прекратить общение, она не стала возражать. Ее боль была ее личным делом, ее тоска – ее тайной, ее желания – ее проблемами. Она могла метаться по своему уютному убежищу, скрытому под землей, могла плакать, могла хоть кричать, но любые страдания оставались в четырех стенах. Потому что своей силой

воли Анна могла по праву гордиться: если нужно, она готова была вырвать из себя любые чувства, с кровью, с кожей, перетерпеть любую боль и сделать так, чтобы никто и никогда не узнал об этом.

Вот и теперь она использовала эту силу воли, чтобы принять его решение. Анна умела оценить себя, она видела, что Леона тянет к ней, и если бы она попыталась его удержать, он бы поддался, наверняка. Но она поступила *хорошо* – она его отпустила и продолжила жить так, как умела.

И вот он вернулся. Она снова не поддалась, сдержалась, сохранила расстояние между ними. Она была спокойной и дружелюбной, словно ничего не случилось и он был не важен. Она не собиралась говорить ему, что в день их встречи она пролила эту проклятую бутафорскую кровь не только потому, что ведро оказалось бракованным, но и потому, что от волнения руки у нее дрожали крупной дрожью.

Анна готова была вести расследование и оставаться рядом с Леоном другом – и не больше. Она знала, что сможет удержать свои чувства на цепи и выглядеть так, что никто ни о чем не догадается. А остальное и неважно.

Впрочем, теперь, когда она познакомилась с его женой поближе, она уже не считала его счастье таким безоблачным. Дело было не только в Лидии Аграновской, у Анны появились кое-какие догадки, не дававшие ей покоя. Но к ним можно было вернуться позже, сейчас шло расследование, они получили уникальную возможность, которой нуж-

но было воспользоваться.

Дмитрий все-таки сумел провести их в здание торгового центра, когда там начался обыск. У каждого из них даже был пропуск, однако это не удивляло Анну. Аграновский-старший мог кривляться сколько угодно, за столько лет работы в полиции он обзавелся нужными связями, которые могли позволить ему очень многое.

Но не все были довольны таким рвением с его стороны. Инга Шипова, следователь, ведущая это дело, заметила их не сразу – однако, заметив, не смогла пройти мимо.

– Это еще как понимать? – холодно поинтересовалась она. – Уж не вернулся ли Леонид Аграновский в полицию? Почему тогда мне не сообщили – я бы первой поздравила!

– Никуда я не вернулся, – равнодушно отозвался Леон.

– Он выступает консультантом, – поспешно добавил Дмитрий.

– Каким еще консультантом? Это дело веду я, а мне никакие консультанты даром не упали!

– Я вам чем-то мешаю?

– На месте обыска не должно быть посторонних!

– Считайте, что я из понятых, – хмыкнул Леон.

Пока гнев Инги был направлен исключительно на Леона, Анну она просто не замечала. Если бы она сообразила, что здесь не только бывший следователь, но и человек, который никогда и никак не был связан с полицией, без скандала бы точно не обошлось.

Именно поэтому Анна сделала все, чтобы остаться незаметной. Непримечательный наряд, распущенные волосы, закрывающие лицо, а главное, профессиональная камера на шее – и вот она выглядит как человек, которому здесь самое место. Поэтому Инга, стоящая в десятке шагов от нее, сокрушалась только из-за Леона.

Впрочем, даже его следовательница не собиралась вышвыривать силой. Инге предстояло руководить обыском крупного торгового центра, смотреть, чтобы ни один уголок не остался неосмотренным, и успокаивать владельцев, которые сокрушались, что служебные собаки им «все изгадят».

Поэтому очень скоро Леон и Дмитрий подошли к ней.

– Как ты это делаешь? – нахмурился Аграновский-старший. – Она, по-моему, сквозь тебя смотрела, не замечая! Ты что, галлюцинация, которую видим только мы?

– Опыт и магия, – усмехнулась Анна.

– Мне бы такое! Она устроит разборки, но потом, – вздохнул Дмитрий.

– Не факт, все зависит от того, как пройдет обыск. Если она ничего не обнаружит, ее саму натянут на флагшток, ей уже будет не до тебя. И вообще, ты б ее лучше пожалел.

– Пожалел?! – поразился он. – За что можно жалеть эту гюрзу?

Анна не пыталась его обмануть или подбодрить, когда она наблюдала за Ингой Шиповой, «прочитать» следовательницу было несложно. Поэтому теперь она могла объяснять

Дмитрию вещи, которые казались ей элементарными, не отвлекаясь от работы – осмотра залов.

– У нее большое горе, которое она тщательно скрывает.

– Да с чего ты взяла? – допытывался Дмитрий. – Слушай, я ей, конечно, не друг, но я ее знаю не один день. Это бесчувственное бревно с повадками кальмара.

– Потрясающее сочетание, – фыркнул Леон.

– А вот и нет, – покачала головой Анна. – Посмотри на нее. Она застегивается на все пуговицы, закрывается от мира, старается при первой же возможности скрестить руки на груди, не позволяет себе улыбаться, хмурится без причины.

– Ну и как ты определила, что это признак горя, а не стервозности?

– Опыт и магия, – напомнила она. – Я тебе больше скажу: это горе, скорее всего, не пришло извне, а связано с ней, она считает себя виноватой, хотя бы частично, в том, что случилось. Поэтому она очень много работает – и работает именно в полиции. Я не знаю ее так, как ты, но готова поспорить, что она никогда не берет взятки, рвется раскрыть каждое дело и честная до тошноты. Ей плевать на окружающих не потому, что она робот, а потому, что, если они не могут помочь ей или не нуждаются в ее помощи, они для нее и не важны.

– Это мне что-то дает? – удивился Дмитрий. – Скандала не будет?

– Скандал будет, и еще какой, потому что она верит: ты пытался помешать ей. Но если она будет очень уж активно

наседать на твои нервы, можешь ей сказать с многозначительным видом: «Но разве это хуже того, что сделали вы?» – и уйти, не дожидаясь ответа. Поверь мне на слово, она изведется.

Анна подозревала, что то горе, с которым жила Инга Шипова, – старая история, пережившая испытание годами. Такие проблемы обычно не исчезают сами по себе, если их не решить или хотя бы не поговорить о них. А Инга говорить не собиралась и рано или поздно рисковала сойти с ума от собственной тревоги. Так что, возможно, кому-то и следовало задать ей тот вопрос, который она посоветовала Дмитрию.

А пока у них у всех была общая проблема – обыск. Он еще не был завершен, однако вероятность того, что он ни к чему не приведет, была предельно высока. После исчезновения Сони Селивановой прошло слишком много времени, даже если бы следы остались, их бы давно замели. Но ведь их неведомый Гудини и вовсе не оставлял следов! Так что бесполезно было заглядывать в туалеты и примерочные.

Единственную ставку Анна делала на служебных собак – вот от кого скрыться сложнее. Инга то ли прислушалась к совету Дмитрия, то ли додумалась до этого сама, но собаки тут были: три крупные ухоженные овчарки.

И они вели себя странно. Анна ожидала, что они или ничего не почувствуют, или сразу возьмут след. Однако вместо этого животные испуганно скулили и, казалось, сами не понимали, куда идти. Иногда они останавливались в торго-

вых залах, возле кафе, рядом с туалетами и даже скульптурами, украшающими широкие коридоры. Собаки лаяли, словно указывая на что-то, однако там ничего не было. В буквальном смысле ничего, только пустота!

– Чертовщина какая-то, – поежился один из кинологов. – В жизни она себя так не вела!

– Что именно они обучены находить? – поинтересовалась Анна.

– Живых людей. Мертвых людей. Наркотики. Оружие. Тут нам сказали, что будут искать девушку, живую или мертвую, вот мы и привели псинок, которые на это способны. Хрен его знает, что здесь творится... Наверное, их сбивает вонища всякой косметики и парфюмерии.

В этом Анна как раз сомневалась. Собаки мыслят свободнее людей, их нельзя обмануть мнимой атмосферой спокойствия. Но на что же они тогда указывают?

Анна остановилась перед скульптурной композицией, от которой с трудом оттащили овчарку. Перед ней глянцем переливались три массивные женские фигуры – белая, черная и золотая. Табличка внизу указывала, что этот сомнительный пример современного искусства был подарен торговому центру известным московским скульптором.

Леон подошел к ней и тихо предупредил:

– Дело сворачивается, нам тоже надо уходить. Похоже, Шиповой пора запасаться вазелином.

Анна рассеянно кивнула, не сводя глаз со скульптуры.

– Слушай, а эти статуи всегда тут были?

– Кажется, да, что-то такое говорили, когда собака лаять начала... Мол, они тут со дня основания стоят – и всем нравятся. Вроде бы у этой фигни даже есть глубокий смысл, но мне на него настолько плевать, что я не запомнил. Ладно, давай, надо уходить...

Однако это был тот редкий случай, когда Анна предпочла не обращать на него внимания. Она забралась на невысокий постамент, на котором стояли статуи, чтобы осмотреть их поближе. Она знала, что это очень скоро привлечет внимание, но поступить иначе не могла.

– Тебе не кажется, что белая отличается от остальных? – задумчиво спросила она.

– Нет, как по мне, они все одинаковые!

– Не совсем. Они все чистые, но на черной и золотой видны следы долгих лет, проведенных, среди прочего, рядом с не очень умными людьми. Вот тут скол, вот тут жвачку отмывали... А белая слишком гладкая и новая.

Она коснулась трех статуй – всех по очереди. Все три были холодными, и все же в случае белой статуи даже холод показался ей отличающимся, не таким глубоким, пришедшим снаружи, а не накопленным внутри.

– Сюда идут, – предостерег Леон.

– Кто б сомневался. Слушай, из чего они сделаны, если верить табличке?

– Керамика вроде...

– А белая больше похожа на пластик, покрытый глазурью.

Она и сама видела, что к ним спешат Инга и хозяева центра. Когда Анна была увлечена расследованием, ей казалось, что все остальное не имеет значения. Но при этом она не забывала, что другие люди могут заблуждаться, особенно если гнев мешает им мыслить здраво.

– Что это вы делаете? – возмутилась директор центра.

– Вы кто вообще? – подозрительно прищурилась Инга. – То, что здесь господин Аграновский, внушает мне опасения!

– Статую нужно осмотреть внимательнее, а лучше просветить рентгеном, – указала Анна.

Но ее, конечно же, не послушали. Она и сама не понимала, зачем пыталась так наивно воззвать к их здравому смыслу.

– Еще чего не хватало!

– Уходите отсюда или вас арестуют!

– Но...

– Сейчас же!

Обычно Анна старалась играть по правилам и никого напрасно не провоцировать. Она не боялась ареста, она просто верила, что в тишине можно добиться большего, чем среди возмущенных криков. Но иногда это было просто невозможно, и приходилось прибегать к отчаянным мерам.

Анна никогда не была слабой. Она не отличалась поразительной силой, не больше, чем предполагала ее тонкая фигура. И все же этого оказалось достаточно, чтобы столкнуть белую статую с пьедестала.

Как она и ожидала, за этим мгновенно последовали крики гнева и возмущения, которые мгновенно стихли. Потому что статуя при падении раскололась, и теперь среди кусков белоснежного пластика, покрытого глянцевой глазурью, струилась ярко-алая кровь.

Наступившее молчание нарушил голос Анны:

– Кажется, я нашла Соню Селиванову.

Глава 5. Генри Говард Холмс

Дмитрий никогда не считал, сколько трупов он видел за свою жизнь, с какими проявлениями смерти столкнулся. Он не находил в этом ничего приятного. Единственным удовлетворением, которое приносила ему работа, была возможность ловить убийц, останавливать их до того, как кто-то еще окажется перед ним на металлическом столе. Но вскрытия, изучение ран, понимание того, через какую боль порой приходилось проходить жертве... Для него это было лишь платой за ответы на важные вопросы.

Однако случай Сони Селивановой все равно был особенным – даже важнее, чем смерть ее мужа или Сергея Увашева. Ее убийство было одним из самых технически сложных преступлений, которые ему доводилось видеть.

Стоя рядом с ней, даже Инга Шипова не могла держаться за свое вечное равнодушие. Она заметно побледнела, ее нервный взгляд метался от омытого после вскрытия тела к кровавым кускам пластика, лежащим на соседнем столе, и обратно.

И все же Инга не уходила. Она не могла позволить себе такую слабость, к женщинам-полицейским и так присматривались внимательнее, заранее ожидая от них сентиментальности.

– От чего она умерла? – тихо спросила Инга.

Дмитрий не сомневался, что она пришла сюда с намерением устроить ему выговор, но, увидев Соню, позабыла обо всем.

– От удущья, – неохотно признал он. – Жидкий пластик заполнил нос, рот, горло... Словом, до легких он дошел. Это было быстро.

– Но она... она была жива, когда все это происходило?

– Да. Но велика вероятность, что она ничего не почувствовала. В ее крови я нашел сильнодействующее снотворное, она спала, когда... когда все случилось. Иначе было нельзя. Для того чтобы получился такой результат, она должна была оставаться неподвижной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.